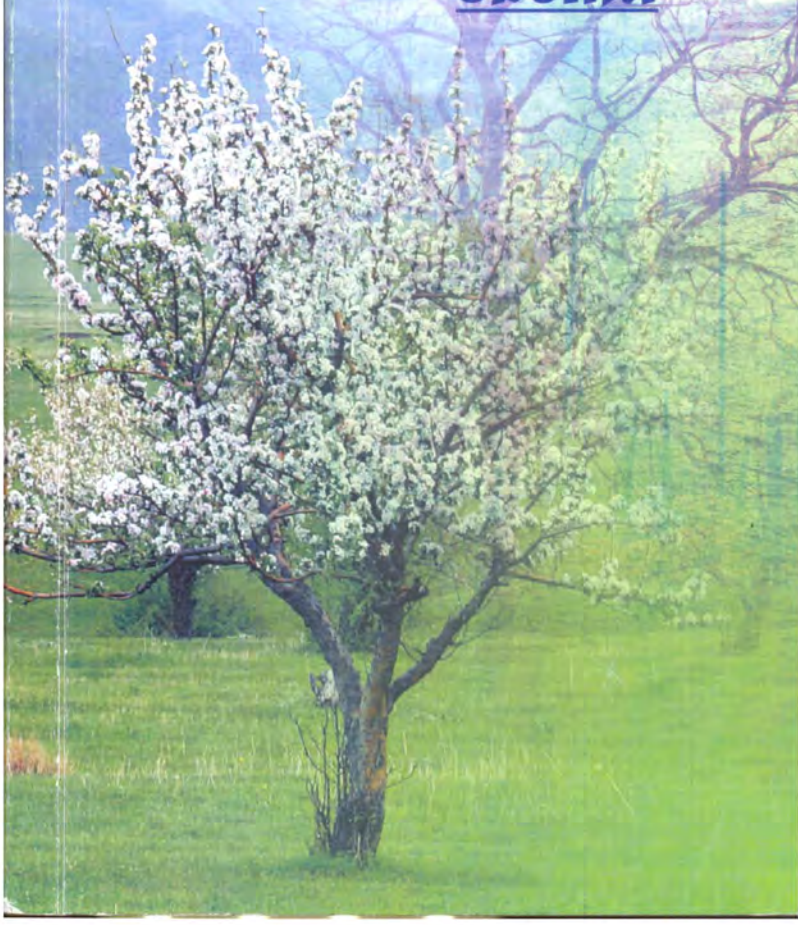


В. З. Талиев

**Четыре
стороны
света**



В. З. Галиев

Четыре
стороны
света

В Петрозаводске
областной библиотеки
с любовью и вниманием
автор.





В. З. Талиев

Четыре стороны света



Алматы «Мектеп» 2013

УДК 821(574)

ББК 84(5Каз—Рус)7—5 84,5 Каз

Г15

540900

Галиев В.З.

Г15 Четыре стороны света: Стихи. — Алматы:
Мектеп, 2013. — 132 с.

ISBN 978—601—293—784—8

Г $\frac{4402000000-004}{404(05)-13}$ 73—13

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз—Рус)7—5

- © Галиев В.З., 2013
- © Издательство “Мектеп”,
художественное оформление, 2013
Все права защищены
Имущественные права на издание
принадлежат издательству “Мектеп”

ISBN 978—601—293—784—8

ҚАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫ

НОТА ЗВУКА

Лес перезревший стоит, как дед,
возьмет в руки посох — роса с берез,
накинет на кроны осень, как плед,
зажжет осины — костры в мороз.
В пламени света и буйстве осени,
под чеканную желтизну листвы,
озимую рожь священно бросили —
нового лета ждать, молотьбы.
И лето, как жизнь, нами пройдено
среди желудей, среди снов.
Называю имя твое —

Родина

По праву своих дедов и отцов.

* * *

Родина!

Голубая, синяя,
светят желтые фонари.
Небосвод подпирает линия
алых гор, голубой зари,
города под снегами метельными,
хутора в глубине лесов.
Мы теперь с тобой нераздельные
в крошке хлеба,
в боли висков.

* * *

Как жизнь, большая книга,
в ней тысяча страниц
из смеха, слез и крика,
из злых и добрых лиц.
Я сам ее верстаю,
кладу в страницы дни.

Что выйдет — не гадаю.
Не ровные они.
В них все, что пало в душу
несу на суд людей.
Сочувствия, как сушу
ждут в трюмах кораблей.

* * *

Не надо горя.
Так или иначе —
мы все умрем —
 исхода в жизни нет.
Но хочется мне мир переиначить,
чтобы горел в нем дружбы добрый свет.
Мне хочется всегда биенья трав,
дыханье весен, солнечного света.
Чтобы однажды мир в себя вобрав,
я был согласен умереть за это.

* * *

Не спешите, не судите
люди добры, как земля.
Мир острее оглядите —
Горы, небо, тополя.
И зимою, и весной
думы рвут, как травы землю.
С беспокойною судьбой
все, что есть вокруг,
 приемлю.

* * *

Сумею бросить недругу в глаза,
С эстрады прокричать,
 хлебнуть, как влаги,

И просто вслух могу его сказать,
Но доверяю слово лишь бумаге.
Умолкнет речь.
И быстро звук замрет.
Любые крики время не осият.
Эстрада опустеет и погаснет
И только книга мысли сбережет.

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Просыпаюсь ночью — Москва,
а поезд еще идет.
Утром встаю — Москва,
московский водоворот.
Снуют вокруг поезда,
киоски, народ, ситро,
горит большая звезда,
грохочет внизу метро.

* * *

В морозном утре Пушкинская площадь,
давно проснулись ветер и толпа,
и сутолока свой день уже полощет —
лучом взлетает к Пушкину тропа.
Твое лицо ласкает утро.
Звучит поток, улица — стихи.
День открывает свою книгу мудро
Спокойно и легко. Пастельные тона.
Фигура Пушкина на фоне неба.
Смотрю в него. Жизнь чувствую сполна:
пью молоко и ем горбушку хлеба.

24 декабря 1975 г.

Снова встреча —
 Тверской бульвар,
 Крыльями вверх — Арбат,
 от кишащей улицы к небу пар
 и Пушкина строгий взгляд.
 Перед глазами мысль — рука,
 новое в старь вросло,
 только улица, как река,
 шумное мне родство.
 Смотрит приветливо улица, —
 огней манящий пожар.
 Странно, судьба-сотрудница
 свела на Тверской бульвар.
 Рядом такси и люди,
 вместе — смех и звон,
 площадь белкой кружит
 сразу со всех сторон.

В Москве, на Тверском бульваре
 среди шума и суеты —
 столько радостей и печали,
 мои годы мне нарекли.
 Все останется, не состарится
 ни метро, ни Пушкин, ни гул,
 все московское здесь останется,
 даже тряпками выстланный ГУМ.
 У меня самолет,
 расставание.

А пока я живу в Москве,
 но разделят нас расстояния —
 может к радости или к беде?
 Загадаю — ничто не сбудется,
 не вернуть мне голосом Русь,
 потому по московским улицам
 я однажды во сне пройдусь.

В темной ночи белый самолет,
 только звезды линиями в небе.
 Унесет меня в свой полет
 самолетная небыль.
 Перевижу все впереди —
 будут радости и печали,
 но без московской суеты
 и подмосковной дали.

14 февраля 1973 г.

* * *

На Пушкина немного все похожи,
 за тридцать все становится трудней,
 злопамятнее действуют вельможи,
 и все скупее доброта людей.
 Один кричит, другой давно устал —
 пугают тропы резких восхождений.
 Но Пушкин нес свой крест без
 снисхождений,
 а прожитого даже не считал.
 На свете чуда просто не бывает:
 однажды женщина встречает,
 и незаметно смотрит вслед,
 чтобы сказать
 нам столько лет.

1973 г.

* * *

После всего вернусь в Москву,
 и десять лет пройдут минутой,
 а жизнь покажется мне лютой,
 но я ее не применю.
 Все что случилось и ушло —
 предчувствие трудов, тревог,

что пережить я в буднях смог
мне было свято и грешно.
Вернусь в Москву,
 где буду сам с собой.
Прошлое предстанет настоящим,
легко дышать, идти почти парящим
и говорить в метро наперебой.

* * *

Всегда живу с запасом прочности
Я избегаю суеты
И на чины без всякой срочности
Смотрю небрежно с высоты.
День до конца еще не прожит
И есть еще что полистать.
А дума силы уже множит
Чтоб завтра до рассвета встать.

* * *

Будут сниться Москва, метро,
шум, толпа, огни.
Город вечерний — кафе, ситро,
взгляды, пожатья руки.
Буду скучать по этому гулу,
по снегу, по куполам,
так же как грущу по аулу
и тянусь к друзьям.
Стану читать страницы Арбата,
вспоминать особняки,
где-то в степи под зной заката
или под шелест куги.
А у меня в Кызыл-Куме лето,
красный песок, как сахар.
Снежная Москва красного цвета.
Красная площадь — якорь.

1973 г., Москва — Ташкент.

* * *

Несносно жить, но упрощать нельзя:
за каждый миг любви тревога и сомненье.
Когда сдаешься — отстают друзья,
безмолвное преследует презренье.
“Люблю” — кричать в пролет метро,
ни страха нет, ни сожаленья.
Уходят разом все сомненья.
Все с плеч долой — и так легко,
и равновесье на душе.
И по-другому быть не может.
И боль тебя уже не гложет
И ты на яркой быстрине.

* * *

Двоюродный дядя, троюродная сноха —
тахта, телефон, дача:
тоже боятся земного греха,
если о них судачат.
Крепкие нервы, связи, как жгут
Срабатывает индукция.
Надо и сразу к ним несут —
списанная продукция.
Речей избегают. Придется — скажет,
в залог выставляет орден и чин.
Послушаешь — маслом коровьим мажет
осадок тяжелый, как кирпичи.
Они спешить не норовят,
наносят перстом резолюции.
Они не едут, а парят
именем революции.

7 декабря 1975 г., библиотека Ленина.

* * *

В Москве все зримей
и кино, и люди,
и гомон улиц спозаранку будит.
И зданья разом —
старые и новые,
и сотни магазинов и кафе.
Теперь не носят брюки-галифе,
в заплатах ходят головы бедовые:
на брюках сзади две большие латы.
Витрины магазинов, свет реклам —
слетают голуби почти к моим ногам.
Идут строители, поэты, акробаты.

* * *

Просто войду и выйду,
чтобы меня не слышали.
В городе все на виду,
даже высокие крыши.
Взгляд отведу от боли,
чтобы сомнением терзаться
так же, как раньше в июле,
стыдно показаться.

* * *

Город чужой,
и я чужой,
как Пушкин с опущенной головой.
Тесно ему и тесно мне
на этой московской быстрине.
Хорошо, что так.
Могло быть иначе.
Жизнь обещает нам удачу.

* * *

На асфальтовом днище улицы,
в тротуарах, где чад и жар,
Задышается город блудницей,
И клокочет как самовар.
Остудить его снежной замятью,
Всполоснуть переплясом дождя,
И жара и июль будут памятью,
Согревающим пламенем огня.
Нити мыслей рвутся где не надо —
Сердце с перебоем у меня.
День пройдет. Железная ограда
Будет видеться другое заслоня.
Мыслей перебой страшит как голод,
Молодости это невдомек.
Я иду Москвой, я очень молод —
Молодость мне беспредельный срок.

1970 г.

* * *

Ваганьковское кладбище в Москве,
Убогая Есенина могила.
Стоит весна. Деревья все в листве.
Судьба тревогой никого не обделила.
На русском кладбище в Париже
Те же поддельные цветы,
И вид часовен еще ниже
От этой пошлой красоты.
Но все равно лежать под камнем,
Как будто здесь иль там теплей,
Все непременно к Лету канем
Под этот привкус тополей.

О тебе напомнит мне Москва,
 И тебе Москва меня напомнит —
 Пусть сейчас хмурый день заполнят
 Дорогие обоим слова.
 Подойдешь к метро, к афишам встанешь,
 Среди лип в Остафьево войдешь.
 Памятью нечаянной все свяжешь
 Отделяя время, правду, ложь.
 Что это? Весенняя распутица?
 Может солнце — летнее тепло?
 Для кого же стала в жизни спутницей?
 На какой причал тебя снесло?
 Все это тебе — весна и лето,
 И Москвы нетленное лицо.
 Ты скажи, а грусть какого цвета?
 На руке — Садовое кольцо?
 Здесь познали и весну, и лето
 Были праздники — будет грусть
 Радости людей какого цвета?
 Чтобы заучить их наизусть.
 Если летом с журавлиным клином
 Не взметнется пара журавлей,
 Не печалься, больше не окликну —
 Затеряюсь в сутолоке людей.

МЕДЕО

Тропы легкие и трудные.
 Неужели все Туюк?
 Или мы с тобою блудные
 угодили в этот круг?
 Где вершин слепящих парусы,
 Где без ветра все плывет —

гор отточенные ярусы
начинают свой полет.
Нам всего не разобрать
среди гор, где свет без тени,
смотрят каменные ели,
конь идет тебеневать.
Звон в снегу от тишины
и немеет, и хохочет —
это перебор сосны
звонко струнами грохочет.
С пестроты все темно-черное,
Яркость света не понять.
То ли люди здесь огромны,
то ли горы им подстать.
Все холодное — здесь север,
все хмельное — это юг.
Мы идем навстречу солнцу
а в ушах —

Ту-юк, Ту-юк.

Может заповеди лгут —
Снежных яхт тупы вершины ?
Оттого сжимают в жгут
снегом взбеленные жилы.

* * *

За оврагом белые сады,
а дальше гор отбеленных ряды,
сочных трав большие лопухи,
буйство цвета, зелени круги.
А еще выше облаков белила,
как будто землю белизной обмыла.

ГОРЕЛЬНИК

Как не хотеть —
Но не забыть мне это,
и буйство трав покоя не дает.
Земля, одетая короной цвета,
Сквозь толщу лета,
но свое берет.
В Медео яркость солнца и листвы.
Медео — красота от сатаны.
У памяти любое бережется
и память, как огонь,
на солнце жжется.
Гори, Медео, жги настой из трав —
Я в этой жизни не во всем был прав.
За этой белокаменной грядой,
где бьет поток лихой до онеменья,
мой мозг ожил,
И память вновь со мной,
Я ухожу во власть ее стремленья.
Сегодня солнце, свежесть, четкость гор.
В глазах лежит приятная усталость.
Начало сентября, а мне бы малость
того, что май забрал за гребни гор.
Ты женщина,
ты лето,
ты леса.
В подушку прячешь влажные глаза.
Одна сама с собой, наедине —
виденьем возвращается ко мне:
раскладываешь цвет на голоса,
припоминаешь все, что я сказал.
И горная река бьет в камни,
в память бьет.

* * *

Проезжаем Маловодное —
асфальт омыт дождем,
и медведицей голодную
к небу тополь устремлен.
В буйстве зелени и красок
время переводит дух.
В эту свежесть древних масок
роняет тополь белый пух.

* * *

Крутой обрыв взлетевших тополей,
до горизонта поле кукурузы,
идешь межой по памяти своей,
где в раннем детстве так звенят арбузы.
Из кукурузы жалят комары,
в чащобе зверь невидимый, слепой,
случайный страх помеха для игры,
но у калитки мать зовет домой.

* * *

Желтым яблоком полный диск
опускается на дно.
День окончен. Свет и риск
промелькнули, как в кино.
Подернутый дымкой вечерний наряд —
Стерня из другого покроя.
Голое поле. Косматый закат
и приближение покоя.
Вечерние блики. Упругий взгляд
неба пустой разворот.
Но так же, как вечность тому назад,
Время бежит вперед.

11 сентября 1975 г., Чапаево

* * *

Приходишь ты — чуть брызжащий рассвет.
Январский день тобою открываю,
душа на снег —

и мне теплей, чем в мае,
ты солнце из давно забытых лет.
Святая свежесть в утре и в тебе.
Так много передумано, прожито,
но ничего из прошлого не сшито —
и потому вверяюсь я судьбе.
Твои шаги, твой взгляд, твоя походка
и в выраженье глаз — душевный крик.
Приходит день и жизнь встает так четко,
До боли резким будет каждый миг.

* * *

В роще голо и пусто,
позажухли травы.
Может только аисты
в этой жизни правы.
Запах прелого леса
и гниющей листвы,
муть дождливого пресса,
тень большой головы.
И деревья — аскеты
не дождутся зимы.
Эти голые кроны —
может, голые мы?

* * *

Видишь — какая ночь,
вглядись — агатовый мрак.
Кричи, чтобы помочь —
Ведь жизнь уходит за так.
На голос лишь горный бриз

да птица ночная в лесу,
горы, скользящие вниз,
гудящие на весу.
Кричи — все равно услышу,
кричи над гранью снегов.
Сядутся на горную крышу
пятна больших ледников.
Прислушайся, горы зовут,
дотронься — как сердце стучит —
пусть юностью нашей зовут
расплавленный ветром гранит.

* * *

Знаю, с тобой не встретиться.
Знаю, сама не придешь.
Тебе во всем только грезится
обман или просто ложь.
Твои агатовы волосы,
скуластое в резкость лицо,
где мыслей лавинные полосы,
где жизнь, как глухое кольцо.
Смотри на меня и смейся,
что рук твоих я не мял.
Как жаль, что мне только грезится
начало из всех начал.

* * *

Дни летят, словно страницы писем.
Жизнь проходит стаяй летних птиц.
От всего на свете мы зависим —
от желаний, взглядов и зарниц.
А когда в итоге трезво взвесишь,
весь багаж уместишь в один круг,

Сам себе, наверно, не ответишь
из чего набрался этот тюк?
И уходишь, оставляя все до строчки,
обрывая будничную нить.
Маленькая жизнь — дадут в рассрочку,
чтобы болью за нее платить.

* * *

Безмолвный утренний подъем,
погрузка на автомашины
напоминают батальон,
но здесь девчонки — не мужчины.
Девчата с выходного дня
работают без передышки,
а зной обугленного дня
перенесут не все мальчишки.
Девчонкам всякий труд с руки —
Таскать и лук, и помидоры.
Они возводят яблук горы
и рвут букеты из куги.
На Сыр-Дарье снимают рис,
в Поволжье спелые арбузы
сдают совхозам фруктов грузы
взамен своих конфет “кис-кис”.
Как странно — женский институт
поют в Москве, поют в Париже
на праздник в городе спуют,
как эти голуби по крыше.
Немного дерзки и влюблены,
идут на поле и с полей
девчонок смуглых батальоны,
все так похожи на парней.

12 сентября 1975 г., с. Чапаево

* * *

Щебет ласточек и крик грачей,
у птиц осенние базары,
очарованная земля,
степные пустоты и переполненные вокзалы.
Точно так и все во мне сейчас,
прошлое пережито.
Почему же в вечерний час
размышленье тревогой прошито?!

* * *

Так и полощет лето надо мной,
на улице тепло.

Сады в листве.

И у ручья тот ягодный настой,
и хмель от гор высоких в голове.
В осенний холод все еще не верится,
что свет потух, что улица пуста.
Не может сердце в этом разувериться,
а истина так ясна и проста.

* * *

Так надо, чтобы женщина пришла
В огромный мир из полутьмы и сосен.
Из теплоты, где бьет начало весен,
и руки протянула, подала.
Бродить у елок, слушать ветра гул,
Глазами сумерек перебирать утесы,
Но чтобы птицу в полутьме не испугать
И чтоб тебя увидеть на откосе.
Так хорошо зимой грустить о лете
и в буйстве хвои думать о тебе,
леса в снегу, леса в зеленом цвете.

* * *

Мой сад окутан дымкой грусти —
все потому что нет тебя.

Что этот вечер мне отпустит
предощущенье сентября.

За сад поросшая тропа
уходит полем к горизонту.

И может осень не права,
бросая старую работу.

Вдруг опустеют сад и поле,
слетят пожухлые листья.

И осень станет мне неволей,
а значит не вернешься ты.

4 сентября 1975 г., с. Чапаево

* * *

Это как дом — опустевший сад,
где ни стола и ни дивана.

Только голые ветви глядят
из-за разбитого стакана.

Все в ушедшем, словно в памяти,
без настоя плодов манящего.

Это как человек без памяти,
Без прошлого, без настоящего.

* * *

Сквозь толщу быта и толщу лет,
почти из детства до взрослости,

идем по жизни следом вслед
как над обрывом пропасти.

От той девчонки до этой женщины
после стольких весен и стольких зим —

кому года твои обещаны
и кто тобою был так любим?

РУСЬ

Руси пока не знает мир,
событья в ней текут как реки.
Олег еще не всем кумир,
но дань приносят даже греки.
Стара Аскольдова могила —
София всем теперь на зависть.
Перун погиб, но страсть ожила
и оказалась сильной завязь.
А время вязаным узором
сплетает нить трудов и войн.
Язычество зовут позором,
но лишь Аскольд его достоин.
И только в келье тишина —
слепое солнце цедит свет.
Рука у Нестора должна
всех убедить,
что страсти нет.

* * *

Это зима скрипит.

Кони тонут в снегу.

А дорога лежит через январь и пургу.
В обозах пенька и мед,
сало, соболий мех,
Разом — обиды и гнет,
длинные ночи и смех.
Тянут ядра, яшму,
считанный зернами хлеб.
А для тепла — кошму,
И для верности — след.
Лежат на пути приказы
и вековая зима.
Куда не ступи — проказа
себя прокляла сама.

Плетутся в путях обозы,
за ними тащится — Русь.
На станциях песни и слезы,
плохое вино и грусть.
Только дворы, погосты,
только сани скрипят,
только кресты и версты
юродивые кричат.

* * *

Пугача везут в железной клетке,
Русь от боли крестится, скулит.
Кланяются в пояс ему предки,
Каждый в душу глянуть норовит.
А в душе ни боли и не злобы —
там вершится самый высший суд.
Гордость принесут свою холопы,
Если их на плаху призовут.
Где ни едет — люду, что песку,
Пугачу несут на верность клятву.
Даже колокольную Москву
он сзывает к своему проклятью.
И церковный крик колоколов,
Резкие крещенские морозы,
льдины обнаженные голов
выбили мужские слезы.
Но безумство глаз глядит в Россию,
катится шальная голова...
и встает январь иссиня-синий
и звучат бунтаревы слова.

* * *

Соляной бунт.

Медный бунт.

Картофельный...

Целиком сходилась Русь в бунты

С топором единый путь проторенный
От обиды до своей мечты.
Все решали потом и рогатиной,
Хворь лечили квасом и сохой,
На кольчуге оставляли вмятину,
Если за нее брались рукой.
Молниями резали прожитое,
Очертя в бунты толпою шли.
Русская история расшита
Ненавистью всех концов земли.
Вешали. Железом жутко жгли,
Для острастки на глазах четвертовали.
А над этим песни выть могли
И стихами душу изливали.

СТИХИ О ЖЕНЩИНЕ

Л. В.

Перебираем факты, лица,
сначала смех,
 потом слеза,
и мысль бьется, словно птица,
но выпускать ее нельзя.
А речь, смеясь и заикаясь,
идет, свое значенье скрыв,
но вдруг нечаянно срываясь,
приходит словно,
словно взрыв.
Всего касаясь, между прочим,
мы полушуткой говорим,
и свой багаж с трудом выносим
или, срываясь вниз, летим.

* * *

Упаду в глаза твои, как в море:
не пророчь мне никаких обид.
Трепетная женщина на взгорье,
словно заколдованно глядит.
Может и меня приворожила
то ли песней, то ли же теплом.
Все, что есть, в душе разворотила,
Грянув как стихия — напролом.

* * *

Для меня ты только в голубом,
для меня — всегда в веселом.
Под березою уютный дом,
я живу в нем новоселом.
Для меня ты шутки и тепло,
для меня — что было и не было.

Шторой занавешенное окно.
Любишь?

Иль любила?

* * *

И не измерено судьбой?
воды в Анхоре утекло.
Глядит осеннею листвою
ташкентское тепло.
А в памяти всплывает вновь
Такой же мост в Урде.
И та же бьет по жилам кровь,
и те же листья на воде.

* * *

Мой талисман — неброшенная женщина,
город в мягком тепле.
Мне ничего не обещано
и я не обещал тебе.
Мой талисман — девчонка в легком платьице
и смуглых скул тревожные черты.
И прошлому, и нынешнему платим
воспоминаньем нашей красоты.
И нам по сорок.

Звук чужих шагов
и лета бабьего красивое звучанье.
И если будет сорок сороков,
то и тогда —
вся жизнь — сплошное ожиданье.

* * *

Эта женщина вдруг придет
Или в трубку телефона что-то скажет?
Эта женщина вдруг вернет
Все прошедшее? Или в узел свяжет?

Эта женщина мне никто,
Эта женщина страх и смех.

На ней туфли,

простое пальто.

С нею радости, с нею грех.

В перепутье любых дорог,

На стремнине любви или правды —

Только женщина вся из тревог,

Потому и приходит однажды.

* * *

Все, что было

и все, что не было —

Связано только с тобой,

Ты для меня земля и небо,

Час восхода и час ночной.

Как Анхор из тревог и радостей,

Ты для меня всегда,

Потому даже малых малостей

От нас не упрячут года.

* * *

Какой-нибудь усталый самолет
меня в Ташкент с дороги занесет,
чтобы лицом к лицу в полночный час
снова молодость встряхнула нас.
Степной мираж, что боль воспоминаний,
и ощущение шелка на руке,
и все безумство давнишних признаний,
как брызги в разыгравшейся реке.
Но в этот час огромный город стынет,
постепенно гложнут шум и свет,
а луна разогретой дыней
выплывает из бездны лет.

* * *

Все начинается с тревоги,
когда еще не осознал
всю трудность выпавшей дороги,
крутые контуры начал.
Соприкасаемся, глядим
и до всего скучны и строги,
но будущность, как сладкий дым —
все начинается с тревоги.
Все начинается с тревоги,
Любовь и утренний подъем,
как с перепутья все дороги
и мир, в котором мы живем.

* * *

Ты девочка, ты женщина. Твои
Огромный мир забот и счастья.
Выдумывай, перебирай, твори
и день рожденья дарит соучастье.
Сорокалетие выставляй на стол
все ощущение пережитого в мире,
чтобы занять свой царственный престол
увидеть мир яснее, шире.
Приходит ощущение весны,
первородство земли и неба,
и дни, похожие на сны
с глотком воды,
с горбушкой хлеба.

6 февраля 1976 г.

* * *

Это все оставлено тобою,
это все осталось у меня.
Летний ветер тянется к прибою,
на воде сгорает кромка дня.

У деревьев глубоко запали корни,
в толщу гор уходят ленты рек.
Если убедишься в этом — вспомни,
но не хмурь огня холодных век.
Все, что пережито, не припомнить,
в этом я тебя благословлю.
Только ты запомни — буду помнить.
И еще запомни:

я — люблю.

* * *

Труда не бойся — все равно трудиться.
Не бойся женщин — честность их девиз.
Вода, как люди, чистотой искрится
и честно смотрят звезды сверху вниз.
Врагов не бойся — силу их вяжи,
и не ищи только себе послушных.
Но помни, что коварней всякой лжи,
всего страшнее —
взгляды равнодушных.

* * *

Теперь мне не хватает лишь звонка
и голоса из трубки телефонной.
Как в невезенье, так капель звонка,
и пуст людьми этот этаж огромный.
Один звонок. Учтивость просто так,
чтобы соседка что-то не сказала.
Знакомый задержавшийся чужак
никак не доберется до вокзала.
Ну позвоните: Вам ведь все равно,
сотрете разговор словно картинку.
А мне это, что лучшее кино,
чтобы Ваш голос сохранить как льдинку.

* * *

По улице твоей метет пороша,
белый снег и свет от фонарей.
Улица твоя с моей так схожа —
выплывают лебеди саней.
Только в ресторане звон и хохот.
Ночь приходит —

ты на снег гадай.

В дымном ресторане адский холод.
Не вином, а сердцем грей — Алтай.
На рахмановских ключах, на Ульбе,
Над Зайсаном и над Иртышом,
мысли, как снежинки, ночью блудят,
закрывая прошлое ключом.
Но не закрывайся, не стыдись,
под твое окно проложен след.
Выйди, посмотри и удивись —
прошлого как не было и нет.

* * *

Так все странно — молодость за тридцать,
женщин любишь строже и сильнее.
Жажда страсти — только бы напиться,
окунуться в яростный ручей,
где трепещет белой точкой птица.
Половодье чувств.

Гроза в окно.

Выбеленным облако садится,
все равно что скажут,
все равно.

1974 г.

* * *

В японском джазе трубачи трубят
издалека, свободно — “Сибаней”.

В высоком зале твой тревожный взгляд
из лучшей ноты юности моей.
Для музыкантов только ритмы века,
Мелодии и время в переплет,
ударник силится, как пойманная белка
хотя бы тактом заскочить вперед.
И только раз за этот теплый вечер,
вместо всей музыки и кутерьмы,
ты улыбнулась как при встрече,
на целый зал из полутьмы.

1973 г.

* * *

Были разные женщины —
и умней, и глупей,
были разные женщины в веренице дней.
Одни были косматые, а другие стройны.
Был и лоск от беспечности,
был и ряд седины.
Были губы целованы,
были взгляды остры,
были женщины нежные
или слишком грубы.
Ты же с ними не сходишься
ни в единой черте,
даже в зеркало смотришься
по-другому, чем те.

* * *

Я в комнате, заполненной тобой.
Я в городе, где бьет весны прибой.
Не остывают ни глаза,
ни тело,
и мир, еще живущий здесь со мной,
с моею памятью никчемной и худой
врывается в мои желанья смело.

Я в комнате, где цвет твоих одежд,
в огромной жизни только три свиданья,
предчувствие большого ожидания
и горечь всех несбывшихся надежд.
Но комната молчит, как день пустой,
я разговариваю только сам с собой.

* * *

Или я старею год от года,
очень скоро будет сорок лет.
Снег залег.

Устойчива погода.

На земле, как в жизни, белый цвет
перемешан серыми мазками.
Мне любое дело по плечу,
милых трогаю руками
и за это болью всем плачу.
Может, я взрослею год от года,
глубже постигаю суть вещей,
жизнь, как карт разбросанных колода,
где себя ищу среди людей.
Становлюсь мудрее. Жить охота,
Чтоб без передышки на пути,
чтобы всем, как в армии пехота
вовремя на помощь подойти.

* * *

Разве не твоим теплом согретые
перелески, желтизной одетые?
По утрам уходят росы, словно слезы,
режут травы точеные косы.
Твоя грусть теперь совсем некстати,
Не ходи в покосах на закате.
Это нехорошая примета —
значит сердце не согрело лето.

* * *

Закрою глаза — и четко вижу
волосы, руки, лицо, фигуру,
хочешь, я на ладонях вынесу,
хочешь — упрячу в свою тужурку.
Это не призрак — это явь:
мокрые волосы в стужу.
Все свои домыслы оставь —
Я ничего не нарушу.
Любовь моя — цветы на снегу.
Тепло мое — жаркое лето.
Многого не знаю, всего не смогу,
Любовью плачу за это.

* * *

Перечитанная книга.
Отодвинутый стакан.
Звук отчаянного крика:
ангел или хулиган.
Снег, измызганный мазутом,
конь вкусивший удила,
Разбираешь книги утром:
и уже спешишь —
дела.

* * *

Сквозь этот быт, снег и шум
твои живые глаза,
чего в них больше — не разберу.
Жаль, в них взглянуть нельзя.
Все эти лица, люди, толпа,
яркие девушки и старухи,
вместо всего только ты одна,
твои красивые руки.
Это от Волги, от прошлого, далеко
сердце слепое тычется

хозяйка беспокойства моего
женщина-владычица.
В Казани мороз, уют, пурга,
в гостинице топот, шум,
валят на город глухие снега,
а я к тебе пишу.

* * *

Срывает ветер гроздь листьев,
литая осень дует в рог.
Мне бы коснуться мягких листьев,
ну чем тебя обидеть мог?
Здесь осень хлопает в ладоши,
там свет уложен в белый стог.
Октябрь пологом сброшен,
ну чем тебя обидеть мог?
Земля в багровом оперенье
и солнце ярко —
 видит бог,
приди как сон, как вдохновенье,
ну чем тебя обидеть мог?

* * *

Взмывает в этот вечер самолет
и исчезаешь ты над аэродромом.
Сигнальные огни вразлет,
как маленькая лампочка над домом.
Твой самолет взметнулся и ушел.
Вместо тебя — ночное небо.
Я это беспокойство предпочел
спокойной жизни и горбушке хлеба.
А где-то над Уралом, над Москвой
ваш самолет — светящаяся точка.
И ты мигаешь дальнею звездой,
а по тебе скучаем я и дочка.

КАРАГАНДА

Словно самолет в Караганду
на глазах проезжих и прохожих,
улицей знакомою иду
на свою же молодость похожий.
Только самолета нет давно,
Прошлое давно уже отстало
Насовсем ничто нам не дано,
И ничто не повторяется сначала.
Ну, а то, что в памяти храним,
или после срока собираем —
все это не нужно нам самим,
все равно души не согреваем.

* * *

Вечер обложил Караганду,
режет тротуары свет из окон.
Так ведется у людей в роду,
ночь сгущает темноту, как локон.
Памятью и я в нее вхожу.
Все на улице: дома и люди,
и Караганда вся на виду —
ни мороз, ни ночь ее не студит.
Вечер обложил Караганду,
мягче линии и резче взгляды,
новости и сплетни на ходу —
словно повседневные обряды.
Жесткий снег скрипит, как женский смех,
Щедро рассыпает свет в сугробы,
Глупая зима одна на всех —
Ты однажды свой мороз попробуй.

* * *

Все это твое — Караганда —
факультет, портреты, стенгазета,
шахтный гул, в траншеях трактора,
люди со всего шального света.
Эта суматоха, кутерьма,
свет колонн, вечерний шум проспектов,
в кучу взгроможденные дома —
все это вопросы без ответов.

* * *

Вечерний дизель. Свет полуземлянок.
Гарь земли. Перестук осей.
Поселок, словно подросток,
с мигающими точками огней.
Сутолока. Чужие разговоры.
Новости и сплетни пополам.
Терриконы черные, как горы,
тянут шеи из оконных рам.
В дизеле приятная усталость
День, как обнаженная квартира:
выброшено все, только осталась
сутолки вечерняя картина.

* * *

Причастен Блоку и Есенину,
к большим и маленьким мирам,
особенно к дождю весеннему,
особенно к людям и городам.
Ни потому, что без них мне скучно,
ни потому, что у них в долгу.
Просто весной без дождя очень душно,
а без людей —
я не могу.

* * *

Где фламинго смотрят свои сны,
а по Невскому легко и людно,
где всегда преддверие весны
город ждет ежеминутно.
Невский помнит Пушкина и Блока,
блокаду Ленинграда и Ахматову.
Кричат фламинго белые до срока,
кричат фламинго душу радуя.
Залив огней из женщин и мужчин,
где неумных мыслей вереницы,
и уплывают косяками льдин
подкошенные крылья птицы.

1968 г.

* * *

Тополя, как лебеди, плывут,
землю устилая мягким пухом.
Только лишь на несколько минут
легкое движение слышно ухом.
Птицы разбирают пух по гнездам,
Суетливую заводят канитель.
И приходят ночью греться звезды
В мягкую июньскую постель.
Середина лета — грусть и радость —
можно жизнь по-новому начать.
... Но из прошлого
любая малость
будет сердце
на кусочки рвать.

* * *

Синим вечером синий свет —
непонятная кровь по жилам.
Прошрое, как велосипед,
прокрутилось и остыло.

С легкой грустью настрой души
Память все, что могла, вместила,
Но встают приведенья в тиши —
значит прошлое вновь ожило.
У медведицы

белый глаз

на себе осязаешь взгляд,
значит прошлое входит в нас,
возвращается многократ.

* * *

Привкус угля, шахты, терриконы,
пыль нависла так же, как года.
Город своих собственных законов
обожженная Караганда.
В этой копоти, чаде и смраде,
в мире хижин и несбывшихся грез,
рушат и возводят бога ради
ветхий дом из человеческих гнезд.
Круглый год ревут гудки, моторы,
а за ними в тон всегда спешат —
только о жилье и разговоры
с жесткой неурядицей подряд.
За ветрами море голубое,
а за дверью — первый мой урок.
Золото на блеск очень скупое,
чтобы счастье было только впрок.

Меня хирург с лоскутьев сшил —
все делал правдой и неправдой.
Кого-то гнал, ругал, стыдил.
Сначала все распотрошил.
Я приговор судьбы предвидел
и не пугали смерть и боль,
но мысль витала, словно моль —
а чем же бога я обидел?
Все поднималось кверху дном,
хирург меня с лоскутьев сшил:
и только прав он был в одном —
он сделал выше своих сил.

1966 г.

* * *

Лязг железа, вкус угля и пыли.
Уезжаю. Не о чем грустить.
На меня обиды не копили
И со мной не собирались жить.
Для одних я был только мальчишкой,
для других — доцент, для третьих — плут.
Фразами скрывались, словно крышкой,
злобу увязали в дикий жгут.
Может быть мне это в самом деле
сабантуй отгрохать в свою честь,
чтобы все обиды облетели
и остался мир таким, как есть.

* * *

В вечерней россыпи огней,
среди домов, среди людей,
среди врагов, среди друзей,
где страсть и ненависть сильней,

где все сливается в одно,
чужое яркое окно,
и белых женщин кимоно.
Идешь по улице свободный —
еще не сыт, но не голодный.
И до всего как снег холодный,
а сам не стар, хотя не модный.
Куда ни глянь — вперед, назад,
где люди, словно зной гудят,
где фонарей и окон ряд,
всех женщин глаз лукавый взгляд.
И снова улицей иду —
в январской ночи как в саду.
И вдруг во сне, словно в бреду —
зову к себе Караганду.

* * *

Пасти окон в улицу огнями
разделяют страсть и пустоту.
Сдерживает снежными руками
вечер возбужденную толпу.
И себя выносишь, словно вещи,
без пальто, без шапки, без тепла.
А в лицо, как ветер, взгляды хлещут,
раздирая нравов удила.
Улица вся в сутолке и холоде,
улица из снега и огня,
в голубом заиндевелом городе
люди на ладонях у меня.
Я живу своими измереньями,
По себе сверяю каждый раз,
Иногда с тревогой и сомненьями,
В этой сутолке прожитый час.
Я живу всегда на нити чувств,
только сердцу низко поклоняюсь.

Ну, а ночью, как в бреду, мечусь,
падаю.

Иду.

Не отступаюсь.

* * *

Я уже не твой —

Караганда

Я не твой и не чужой —

ничейный.

Позади обиды и года,

яркость красок, свет вечерний.

Все внизу — тревоги и сомненья.

Стюардесса входит в полутьму.

В жизнь вступает резкое движенье,

словно выстрел, ночь срезает “Ту”,

если мне принадлежать —

то только небу,

самолетам, звездным перепутьям,

облакам, как вызревшему хлебу,

доброте и очень добрым людям.

1968 г.

БОРОВОЕ

Лиле

I

На небе серых туч разводья,
Уже не звон, а гул сосны.
И сбросил дождь свои поводья
на эту даль голубизны.
Через секунду — крик ребенка
и дождь отходит далеко.
И только лес словно пеленка
парное цедит молоко.

II

Лето из тепла и доброты,
мягкий ветер, как вина настой,
ягодой осыпаны кусты,
сосны с захмелевшей головой.
Терпкий запах белого шиповника,
Хвои хмель и клессер тополей.
Воздух из единого половника
вместе с хлебным привкусом полей:
в нем наряд берез,
шеренга сосен,
яркость ягод,
первый майский мед,
запах липы,
с ними неразрознен
вкус воды и вкус веселых звезд.

III

Сосны, словно холеные кони,
бронза отчеканенной коры,
к небу тянут ровные ладони,
ярким плюшем скрыли склон горы.

Взгляд веселый ловят у прохожих
выпуклые груди на обрез,
на крутых мужчин чем-то похожий
веселится корабельный лес.
Только в солнце розовые щеки
и от них настой идет наружу.
Лес упрячет все свои упреки
и в твои ладони вложит душу.

IV

Устало море от воды и рева.
Весна устала от обилья озими.
И даже дню необходима дрема,
как буйству лета — увяданье осени.
Иначе новых сил им не набраться
и ярких красок светом не озвучить.
И потому сомненьями терзаться,
и потому раздумьями всех мучить.

V

Теплая горка.

Остров — язык.

Озеро Боровое.

А над поселком лай и крик,
лето, как взрыв, тугое.

Кто-то ушел на дальний плес —
там тишина немая.

Кто-то стоит под кроной берез,
женщину обнимая.

Прячется в чаще хмельной туман,
ягода вышла в рост.

Может быть лето — простой обман
и мир, как лето, прост.

VI

День отбеленный грусти —
Подрамник из ветра и туч.
Только спокойные грузди
За грудью неистовых круч.
Можно подумать осень, —
до осени далеко.
Туман поднимается впросинь
и исчезает легко.
Над крышей берез и сосен
Шапкой голубизна,
стучится сырая осень
из ржавого полотна.
Только в березах бело.
В косах тугих волос
Лето переспело,
дождем разорвалось.

VII

Мечтать о лете — доверяться лету,
держат в ладонях тело пестрых гор,
смотреть и удивляться
солнцу, цветущему,
взбежать на самый верхний косогор.
У лета все запутано и свито,
на гаммы переложены цвета,
и лето, как клубок,
одна обида,
и лето ярко, словно простота.

1970 г.

* * *

Уходит день. Сгорает кромка неба.
Сибирская зима. Глубокий снег.
Сугробы видятся горбушкой хлеба,
Мерцанье снега, словно звонкий смех.
В Боровом я, снова в Боровом —
лето пробивает напролом.
Буйство красок. Зелени прибой.
Только здесь бываю сам собой.
Только на вершинах красных гор
клочья снега, сосен яркий хор.
Даже поздняя зима в лесу
яркостью напомнила росу.
Глыбы гор и лбы крутых утесов
в лето каждый раз меня уносят
Всюду — Боровое, Боровое
лето сумасшедшее, слепое.
Хлебной корочкой хрустит поземка
поднимается, сутулясь лес,
а на небе маленькая кромка
держит зарево на легкий вес.

* * *

Я в Боровом — устал от всех трудов,
в снегу, у сосен на лыжах без дороги,
в какой-то бурой заводи снегов,
и в зимних сумерках, словно в тревоге.
Воробьи орут до хрипоты,
день свечой растаял у Синюхи,
ночь гнездится шапкой темноты,
выбирают место совы-сплюхи.

* * *

Пойми одно — в круговороте дней,
в лесной глуши, в поземке декабря,
на всех сугробах лапами зверей
расписана судьба моя.

Здесь сосны гаммами сбиваются,
ярко брызжет солнце в снег.
Из былого откликается
жизнь стремительно, как бег.

* * *

Случайностью вещей или словом,
какой-нибудь деталью — просто так.
Так живо встанут встречи, Боровое,
закуржевевший в инее большак.
Синюха с распростертыми рогами,
подъемы, спуски, окружение скал,
цветными силуэты ворохами
и смутное желание начал.
Случайность встреч.
Какой-то ветер ночи.
Ночное небо. Яркий свет луны
и очертанье сосен над снегами,
где сонно смотрят камни-валуны.

* * *

Сначала рев,
 высокий звук хлыста,
взрывает лед яростью мороза.
И трещины, как швы, и снег, и красота,
и звуки взрывов, словно бы угроза.
Под ярким солнцем русская зима,
горячие блины и вихри снега,
где красота — можно сойти с ума
не обхватить, не вырвать, не объехать.

* * *

Опавшей хвоей припорошена лыжня,
срываешься, и с ветром в самый низ,
а сосны смотрят, стройностью дразня.

Закаты из малиновых костров
и трубный гул ночами по долине,
и встречи жесткие, как бой колоколов,
и дни, как путешествие на льдине.
Идем по кручам — мимо мхов и скал,
шершавый ветер тропы облизал.
Здесь эхо, словно бой из пушки,
Стоим на самой “чертовой катушке”.
Какой-то миг — взбегают время четко
и словно крик —
опять твоя походка.

* * *

Горелого Мыса горбинка
и лава летящего снега.
К небу немую тропинку
тянет пурга — телега.
Природа молчит и стынет,
кутаясь в белые шали.
А лето — ягодой хлынет,
дождями холодной дали.

* * *

Снова ночь, но распахнуты шторы.
За окном силуэт сосны.
Так спокойно глядят в тебя горы
и в окне ощущение весны.
Закружи в пестрой музыке сосен,
по озерному льду уведи.
Боль — всегда предчувствие весен
Ощущенье, что все впереди.
Станет ночь кувыряться в сугробах,
В чаще птицы начнут окликать.
Песни сосен на горных отрогах
будут сном необычным звучать.

Забодай нас, любовь, забодай,
или брось на поляне в стужу,
или снегом в лицо рыдай,
чтобы боль выходила наружу.

* * *

Я встречу Вас. Все вспомнится, всплывет —
Сосновый бор, зеленая окрестность,
Караганда, как белый пароход,
И этот мир, где только неизвестность.
Я встречу Вас и снова Боровое,
И лето опрокину Вам в глаза.
И возвратится время золотое,
Где над лесами прогремит гроза.
Для памяти прошедшего так мало,
Что этим даже сердце не согреть.
И только жар угасшего сандала
Останется так долго в сердце тлеть.
Встречу Вас. Все вспомнится, всплывет,
грудно звук предчувствием сожмется,
Медленно идущий пароход,
Издавна так —
временем зовется.

ТАШКЕНТ

Так далеко до памяти моей,
и все воспоминания глубоки.
Отсчет годам,
 доверие друзей
и на земле прожитые мной сроки.
Встает живьем из бездны
 прошлых лет,
из юности моей,
 из полустлевших хроник —
залитый солнцем ласковый Ташкент
в обозах фруктов,
 в прелести гармоник.

* * *

Взлетает Луначарское шоссе,
словно взлетная дорожка самолета,
но в этом мире мы еще не дома
и все на этой взлетной крутизне.
День остыл. Южная ночь,
тянется до Большой Медведицы,
и тревожная врезка месяца
нам ни в чем не может помочь.
Горят костры на площадях Ташкента,
тебя сжигают зноем, темнотой,
ты тянешься горячею рукой
И взгляд, что боль остывшего привета.
Твой голос все перекрывает
темень ночи, яркость дня,
меня с мороза в жар бросает,
шоссе срывается, взлетает.
То вдруг в Москве, то вдруг в Ташкенте
или у нас в Алма-Ата
костры, горящие в мечети,
как заклинанье: “Верьте”!,
 “Верьте”!

* * *

Сахаром налился виноград —
Засветились розовые кисти:
Так задумался осенний сад,
Разбросав перезрелые листья.
Высвечена каждая травинка,
Горы ясны,

доли широки.

Осень тонкопряха-паутинка
Тянет свежим ветром от реки.
Полно равновесие в природе
Без огня, без пыли, без жары.
Только тени бродят в хороводе
Ожидая ливневой поры.
В этом мире мы с природой цельны,
Чувства свежи, бодростью полны.
Потому и мы природе верны,
Словно скал огромные челны.

* * *

Толпятся. Разговаривают. Спорят.
Спешат с утра и вечером бегут.
Сбиваясь в такт, автомобили воют,
выкраивая доли из секунд.
И крик детей. Дубовое сплетенье.
Деревьев кроны, словно на ходу.
Но кто-то над толпой парит в движенье,
разглядывая верхнюю звезду.
Все карнавалом: зелень, звуки, зданья,
и купол неба в утренней красе.
Предчувствием такого же свиданья
ложится лента Луначарского шоссе.

Ташкент, 1973 г.

* * *

В Ташкенте утро. Свежие газеты.
Асфальт аллей и аромат от дынь.
Старик читает древние газеллы,
давно знакомые, как желтый воск пустынь.
В Ташкенте утро — хочется напиться.
Поднялось солнце — начинается жара.
А на базаре бронзовые лица
торгуют с раннего утра.
И в чайхане, что на привале,
узбекский бубен, мерный ритм,
как чай в огромном самоваре
шипит, как проповедь молитв.

* * *

Но Угаму очень далеко
дышится и трудится легко.
Там, где аисты возводят гнезда,
создан мир естественно и просто.
Где цветет урюк, миндаль цветет
и Угам, как птица, скалы бьет.
Вместо крови — белая вода,
темные, как небо, города.
Где светлые ночи — кровь по жилам,
рыжие глаза косматых дюн,
зло давным-давно себя изжило,
у доброте припарет рот, ... юн.

1970 г.

* * *

Жара в Ташкенте,
жжется крепкий чай.
Не стынет день и гул не затихает.
Огромной дыней желтый самовар
вспоминаньем прошлого вскипает.

Давно июль. Не верится глазам
все двадцать лет, как месяц пролетели.
Вверяемся дорогам, городам
и занимающей метели.

* * *

До ноября джидгиль цветет,
на самой кромке лета.
Земля фиолетовой плывет
необыкновенного цвета.
Камни, вода, стежка в хлебе –
все что стоит в глазах,
все пережитое, все года
на этом высоком небе.
Река и степь, сухой ковыль.
Степь, как глаз циклопа.
Цветет хмельной джидгиль.
Бежит степная антилопа.

* * *

У тебя на столе телефон,
четко видны квадраты крыш,
а в глазах со всех сторон
влажный Кара-Камыш.
Я к тебе с Ходры или с Урды
позвоню, постучу листвою,
чтобы синие сады
из трубки встали над тобою.
Чтобы Луначарское шоссе
поднималось к одиноким звездам,
ощущение лица в росе,
но голос в телефоне не опознан.

* * *

Еще до зимы далеко,
но жилистый лист у ног.
В осенней прохладе легко
на перекрестке дорог.
Кружит по кольцу асфальт,
мигает вечерний свет,
музыкой наперебой звучат
вечер и летний рассвет.
Вверх вскинутая голова,
включенные мысли,
вечность — пушкинские слова —
все равно не осмыслить.
Из длинной связки забот
как ощущение мороза —
на пьедестал встает
пушкинская поза.

СОВРЕМЕННОКИ

В. И. Щербине

Гадают бедные гадалки —
а ты доволен и хорош:
все их приметы и считалки
оценены в базарный грош.
Со стороны — они все могут,
у них трэфовый интерес,
но в этот быт как на подмогу
вселился беспокойный бес.
Для них работа — дом казенный
и обещанье всех удач.
Сама цыганка опьяненной
согласна к счастью мчаться вскачь.
Она сама бы счастьем рада,
только не звяканью монет,
тому где дом, где стол, ограда,
тому,
 где денег вовсе
 нет.

* * *

Н. И. Анову

Постучимся, никто не встретит,
просто некому нас встречать.
Сердце прошлым сегодня бредит
и от нервов скрипит кровать.
От бывшего глаза навывкат,
с пережитого сердце в ком.
Твоя память — огромный вагон,
твои думы — закрытый дом.
Ты морщинами время меришь,
и при боли сжимаешь трость.
Ты не каждому просто веришь,
далеко и не каждый гость.

Повезло на степных поэтов,
Ты увидел грозу в глаза,
и годами молчал об этом,
чтобы слышались их голоса.
От прошедшего память рясна,
в ней тепло, если даже Сибирь.
Самогоном хранят постоянство,
чтобы мчаться в Иртышскую ширь.
Где от трав — золотая накипь,
где от лета — корона лесов.
Загораются красные маки,
разливая полянами кровь.
Все у жизни запутано, свито
Если ты и умел обижать,
Пусть им памятна будет обида,
Пусть научатся щедро прощать.
Ну, а думы, что крутят нас в жгут,
никогда не оставят, запомни —
их на тризну, как дань принесут
азиатские белые кони.
... Мы до прошлого из тумана,
мы из связки своих тревог.
“Николай Иванович Анов,
пропусти ты нас на порог!”

6, 9 ноября 1969 г.

* * *

Л. Володарскому

Для меня ты близкий и далекий,
Словно рана, для всего открытый.
Никакие беды и упреки
прошлое не сделают забытым.
Знаю — время дружбу оборвет
и тогда вперед — ни шагу.
Я открою сердце, как грот.
И к тебе под ноги лягу.

Н. Бекмахановой

Мы все взлетели с одного гнезда,
одна дорога нам судьбой служила.
Летели годы. Мчались поезда,
но честность для всего было мерило.
И огорченья были, и обиды,
и все, чего за раз сказать нельзя,
и были мы не раз, не трижды биты,
но оставались все-таки друзья.
И выпускаем птиц из рук на волю:
считай, дружище, нам с тобой везло.
Учтивые к друзьям. Спокойны к горю.
Теперь мы сами вьем себе гнездо.

24 декабря 1975 г.

А. Бальбурову

Пригласи меня в Бурятию...
Синий берег Селенги.
С самолета да в объятие
жар в пожатия руки:
у мужчин легко и строго.
Снится мне твой край давно —
по тайге тропа-дорога
и таежное вино.
Пусть весна шумна и буйна,
Ходит кругом голова,
оттого река разгульна,
оттого теплы слова.
Не срамил ни честь, ни службу,
потому к тебе тянусь.
Пригласи — прошу я в дружбу,
в синь, в банзаровский улус.

I

Март сырой, туманный, ветреный.
В Комарово хриплые березы
И несет землю северной
Туч непролитые слезы.
Жизнь, как поле долго ветренно
С ней Ахматова прощается.
Умирать никем не велено
И никем не воспрещается.

II

Опять Ахматова приходит, —
теперь уже в который раз!
Не говорит и не заходит,
а из подлобья смотрит в нас.
Когда мне было только двадцать,
она стояла у лица.
Но я не мог себе признаться,
что глядя на нее немею.
Она в Ташкенте в это лето
смотрела зрелый виноград.
Пальто продымленного цвета.
Кольцо. Берет. И острый взгляд.
То рядом с Пушкиным, то с Блоком,
то в Риме или в Комарово
совсем одна (разве что с Богом?)
глядит на этот мир сурово.
И в мои зрелые лета,
она как в молодости входит.
Собою только занята
и потому к себе уводит.

III

Пришла к тебе в тяжелый час утраты
арыков наших поздняя листва.

Ташкент — Дюрмень.

Тому теперь мы рады
И оттого так дороги слова.

И дыни на столах,

и кисти винограда,

и улица, где желуди стучат.

Тыходишь в дом,

но ничего не надо,

что может оказаться невпопад.

Ташкент, 1976 г.

* * *

А. Вознесенскому

На перекрестке, где шум и гомон,

Кинотеатр и институт,

Тротуар от зари до ночи полон,

Вглядываются, шумят и ждут.

К этому шуму — магазин,

Испарина — летом и зной зимой.

Глухие ряды цветочных корзин

И книжный развал под рукой.

Продавщица спрятала, перепродала

Книгу стихов за бесценнок,

А в книге площадь, закусив удила,

Смотрит со знакомых стенок.

Тот же мороз и тот же зной,

Стеклянные витрины без навеса,

И в этой сутолоке грязной рукой

Сжимает кто-то сердце Ахиллеса.

Н. В. Алексеенко

Тишина. Немеешь сам с собой,
ощущенье прошлого весомо:
Разин с обнаженной головой,
след войны, живущий у нас дома.
Тишина. Все четче и слышней
прошлое, и в нем любая частность,
оттого и ближе, и родней
к прошлому причастность.

* * *

Не потому ли все мы переносим
чужие беды, лишние упреки,
чтобы однажды на Алтае, в осень
взять в руки радость от людей далеких.
Речная стрелка Ульбы с Иртышом
большое солнце, как большая радость,
прозрачная вода вся нагишом
снимает враз слежавшую усталость.
Не потому ли здесь я оказался
в излучине сухого сентября,
На расстоянии мир грубей казался
и от него я прятал сам себя.
С таким доверием и улыбчивым названьем
глядит Ульба, как будто невпопад.
А на Алтае осень с обаяньем,
спасибо лето, люди, листопад.

* * *

Н. П. Калистратову

За битого двух небитых —
такая цена на всех.
В мозгу, как в ларьках открытых —
цены, слезы, смех.

Сознайтесь, Вас били? Били
 в том памятном тридцать седьмом.
 Думаю, не забыли.
 Но я сейчас не о том.
 А годы военной невзгоды?
 Атаки, окопы, потери.
 Вас били в любой погоде
 И загоняли в двери.
 Но выстояли в той године,
 ценою крови и пота.
 Вы все это пережили
 и была снова работа:
 конспекты, студенты, зачеты,
 в руках карандаш и бумага
 и рядом другие заботы
 с мерою честного шага.
 Но это не полная мера,
 во всем еще столько обиды.
 Кому-то нужна карьера,
 И надо чтоб Вы были биты.

В.В. Галиеву

I

Кричите — сколько можете — кричите!
 Над городом едва тлеет рассвет.
 Безумные, вы очень жить хотите,
 по крайней мере, только сотню лет.
 Под вами уже крутится планета,
 вам шлют свой свет дома и фонари,
 за вас зима, за вас шальное лето
 и радость ночи от заката до зари.
 А женщины от счастья плачут вслух,
 огонь и крик вплетаются друг в друга.
 Родился человек —
 рванула вдруг
 скорость у земного круга.

II

Дети очень любят яркое:
разноцветье, зелень, весну.
Любят южное солнце жаркое,
как историки старину.
Крепкий запах осенних ягод
и из кубиков города,
бесконечное множество пагод,
не построенных никогда.

III

Мой сын — мальчишка шестилетний,
футбол гоняет, чертит корабли,
и собирает лист осенний,
любуюсь красками земли.
К нему приходит настроенье
в кострах осеннего огня.
Он любит мир как озаренье
намного радостней меня.

IV

“Стою на горячем, как солнце, ветру,
словно бегу по льдинам.
Ночь беспокойная, жар по утрам —
Предчувствие встречи с сыном.
Голос будет совсем другой —
Взрослый и солдатский.
Что-то расскажет, поведет рукой —
будет осыпан лаской.
Жизнь повторится как у дедов,
вновь огорченья и радости.
Но намного выше цена слов
и намного меньше пакости.

V

С утра пойду на бугор —
искать твои следы.

Будет ветер в упор
из каменной гряды.
Буду встречать рассвет,
твой голос в песках ловить.
Над сопками звук — кларнет,
и день начинает светить.
Солдаты с учений идут,
Колонны ракет, тягачей:
непроходящий труд
сложен из дней и ночей.
Бугор из камней и песка,
полынь из пыли и седины.
По сопкам идут войска
и в форме солдата мой сын.

Памяти Вострова

I

Он сжал приклад — через окоп взметнул,
еще мгновенье — автоматный треск,
немецких танков ошалелый гул
и гусениц слепящий блеск.
В девятнадцать лет была атака танков,
И гарь металла, лязг сухой земли,
все поле изуродованных маков,
цветы, как люди, замертво легли.
А он остался. В том его вина,
и жизнь за мертвых, взгромоздив на плечи,
нес до черты, где только седина,
и снова смерть, и с прошлым снова встречи.
Он принимал атаки всех невежд
чинов и званий, подлости и страха.
И все, что видел, нес с собой как крест,
людская подлость все равно, что плаха.

Теперь сердечная атака
и в ней бессилён валидол,
теперь не сделать даже шага
шеренги танков, степь как стол.
Туда, где Красная Дуга
его ночами возвращало,
но ищет он свое начало,
дрожит ослабшая рука ...
Не исчезай, солдат, запомни
добро и зло, хулу и смех.
Солдатский строй людьми заполнен,
но только ты бы был на всех.

II

Он был солдатом, был ученым,
для многих совестью служил.
При нем вздыхали облегченно
от вида напряженных жил.
Он был за многих нас в ответе,
решенья круто принимал,
к нему так шли цветы и дети,
степной, запыленный привал...
Кричат охрипшие курганы,
гудят степные ковыли,
кровоточат бывшие раны
на вечной красоте земли.
Пусть ему памятником будет
сыновья белая звезда
и этот мир, где птицы, люди,
аулы, степи, поезда.

III

Сердце барахлит и душит астма,
в крепком теле пакостная дрожь,
видится поселок, детство, мама,
видятся весна — под танком рожь.
Было — госпитальные кровати,
жизнь, как маятник на волоске,
столько раз срывался и некстати,
от кори в детстве и от ран в войне.
Затем шли экспедиции, маршруты
куда-нибудь в Алтай, на Мангышлак.
И там в степи лечился от простуды,
где наскоро сбивался бивуак.
Натягивали пыльные палатки,
дышали ночью привкусом костра,
и разговоры в разнобой, как складки,
тянулись от полночи до утра.
Теперь в палате что-то скрип и скрежет —
Вся жизнь вдруг взгроможденная за раз ...
Клин журавлей из детства память теплет,
лицом к лицу разглядывает нас.

23 февраля 1980 г.

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

З.Г.Галиеву

В далеком детстве полудикий пруд,
тугайский лес — джида, обилье ягод.
На бахче летом зорко стерегут
Пахучие ряды из дынных пагод.
Розовым цветет сухой джингиль,
а ночами — урожай созвездий.
Над поселком легкой шалью пыль,
теплый ветер с привкусом известий.

* * *

У отца давно уже седины,
Как этот снег в полуночной Москве.
Купола — разбросанные льдины,
Возвращаются виденьями во сне.
Но мне стоит вспомнить дом отцовский:
грязи по селу понанесло,
и стоит в дверях сухой и броский
мой отец, похожий на село.
В полночи Москва метет и светит,
папиросою отец дымит.
А приеду, он меня встретит,
и как в детстве,

слегка пожурит.

От моих забот отец стареет —
в Средней Азии зной и озноб,
потому и души не греет
этот ветер, свистящий в лоб.
Купола и улицы ночь замела —
увезу Москву с собой:
ведь с дороги отцовского села
четче видится шар земной.

СЕМИОВРАЖЬЕ

Который раз сюда спешу наездом
столько лет и все легли вразброс:
это здесь прощался как-то с детством
и к поселку словно бы прирос.
Это здесь полощет лето рощу
и идут тропинки вдоль межи.
Воздух режут, словно дынный росчерк
Резкими движеньями стрижи.
Теперь дома, заводы, гул машин,
кинотеатр — ощущение века,
воспоминания осколками льдин,
и это озеро, что летом горстка снега.
Теперь уже и молодость прошла,
обдала рощу жарким суховеем.
Быть может жизнь чего-то не нашла
и потому о ней мы сожалеем.

* * *

Бьет из земли трава —
первый слабый росток.
Только жизнь права
в любой из земных тревог.
И та же тропа ведет
из детства ко всем трудам,
а время ведет свой счет
по нашим с тобой следам.
Вкус с времени сладок и зол,
знали восторг и беду:
всегда я с тобой шел,
везде за тобой пойду.

* * *

Надпись на могильном камне.

Уянов, 1944 г.

У балкарцев память — даль степи,
старые могилы моет ветер.

От солнца жар — сплошные круги

Жарой их бог наверно встретил.

Мираж — полощет разлив реки,
кричат оголтело птицы.

Взлетает время в глубь с руки
и пылью могильной садится.

* * *

По роще, на чужой тропе,

словно виденье белых талисманов,

где рядом станы хлопковых хирманов
горячий день, и все вокруг в жаре.

И тянется тропинка без конца

под крики птиц, сзывающих в прохладу.

В ней пот трудов и моего отца

для каждого прохожего в награду.

* * *

Встань пораньше. Лучше на рассвете,

когда травы, птицы, тополя

просыпаются как маленькие дети,

свежестью колышется земля.

Самолет взмывает в белом небе,

а до неба лишь рукой подать.

Ощущенье молока и хлеба,

чтобы их рососою запивать.

* * *

Выпросить детство, назад вернуть
все огорченья, тревоги, радости,
весь неизъезженный жизнью путь
в каждой неизменной малости.
Идем под снежной заметью,
всматриваемся в лето,
нагруженные памятью
голубого цвета.
Уходим по жизни от друзей,
Четки — дни переберем.
Все прожитое — выщербленный Колизей
от желания перепроверяем.
Можно многое пережить,
желанное выбросить,
непонятное — пережить,
только прошлого не выкрасить.

* * *

Аул Байтыша — маленький аул,
аул из крика птиц, из лая псов,
над ним стоит степных раздолий гул,
и вид степи, словно мираж лесов.
В нем розово соцветье джингиля,
в деревьях женщина на стол нам накрывала,
были красивы люди и земля,
и русская кукушка куковала.
Аул Байтыша вижу до сих пор,
и он встает из самой дальней дали,
лицом к лицу, как шапки этих гор,
не глядя на просторы расстояний.

Так умрет, не проронив ни слова,
никогда ни в чем не упрекнет.
Только саван — белая обнова
прожитое разом запахнет.
Враз навалит исповедью ярость,
хворь, сиротство, вечная тоска,
Душный склеп, промозглая усталость,
У лица надгробная доска.

* * *

Отец скучает. Ждет моего приезда.
Выходит на дорогу в полутьме.
А иногда не может найти места,
чтоб заглушить сомнения в себе.
Все в детстве любят сильный звук и цвет,
все в зрелом возрасте достаточно капризны,
но только с высоты преклонных лет
можно увидеть все в страницах жизни.

* * *

Отец чудак был — не водил запаса,
один пиджак носил десяток лет.
Худой, высокий, так похож на Спаса,
не знал покоя, ждал урючный цвет.
Сажал деревья, словно ноты брал,
и слышал как ворочают коренья.
Жил словно вплавь. Всегда девятый вал.
В нем ко всему рождалось вдохновенье.
Вокруг сверкали галстуки, дипломы
а он безгалстучный, без званий и чинов,
глядел на жизнь, как на проемы,
где суета страшнее снов.

1981 г.

* * *

Моим дедам везло на деньги.
Казань всем родиной была.
А там в почете только серьги
и в позолоте удила.
Барыш не прятали в чулане
и не подвязывали в пояс.
В дорогу шли в любом тумане —
худой тулуп и санный поезд.
В извоз, в Заволгу, в Заурал —
за перегон платили крепко.
Под Оренбургом шел буран.
Старик замерз. Осталась метка.
Другой в Казани потом мылся,
в путину Астрахань гнала.
Он в тридцать лет с трудом женился,
калым не выплатил сполна.
А третьему служила Волга,
он был ремесленник — солдат,
с трудом избавился от долга,
оставив семеро ребят.
И не увидели серег
и удила не закупили.
Татары шли со всех дорог
и к ряду нищими все были.

* * *

Опять Алма-Ата — Ташкент:
везет лететь в ночные рейсы,
в иллюминатор — эдельвейсы
с вершин не спящих под луной.
А мне предчувствие беды —
после чего же будет это?
Глоток иссушенной воды
и в сердце — выжженное лето.

январь 1982 г.

* * *

В городе, который ты любил,
запах яблок, привкус спелых ягод.
То же взгроможденье горных жил
и вершин, словно застывших пагод.
Тополинный пух. Скамья надежды.
Тот же парк. И воробьи с куста.
Тот же город, что стоял здесь прежде.
Все здесь так. И та же суета.
Все здесь так — ничто не изменилось.
И вода в Иссыке бьет, трубя
Может так. А может мне приснилось:
Никогда здесь не было тебя.
Осиротевший город без тебя.

1984—1985 гг., Иссык — Казань

* * *

Именем твоим, именем твоим —
все что на земле осталось.
Именем твоим, именем твоим
теперь оно назвалось.
Именем твоим — трава и дети,
звук ручья на горном перевале.
Именем твоим, что есть на свете,
именем твоим назвали.
В птицах и джингиле столько силы,
что теперь не одолеет грусть.
Я целую снег твоей могилы
и при солнце в верности клянусь.

* * *

Срубили тополь. Дом давно продали,
и поселились в нем чужие люди.
И только петухи вокруг кричали,
не различая праздников и буден.

Срубили тополь — грелись над углями.
Другая жизнь вошла в казенный дом.
Глаза и звуки прятались углами
от тех движений, что остались в нем.
Чьи шаги? Отца или Марины?
Где этот дом — в Ташкенте иль в Москве?
Цветет гранат. Так ярок куст малины,
И солнечная кровь бежит в листве.
И тот скворец, что с тополя кричал,
какой судьбы мне вспомнить день недели?
Включают свет — он как воды обвал
и прошлым мы на этот свет глядели.
Срубили тополь. Жизнь сполна сгорела.
И к прошлому теперь возврата нет.
Но жизнь не угли и не запах тлена —
горящего восхода красный свет.

* * *

Курдайский красный гранит
встал в твоём изголовье.
Тебя он теперь хранит,
как берег от половодья.
Кричит пустельга в жару,
дозрели плоды джиды.
Лишь птица несет к утру
каплю живой воды.
Мужчина, как гроздь винограда,
сады и деревья, и травы.
Какая в том была отрада,
что жизнь порой горчей отравы.
Джингиль оросился в кровь,
и жизнь стала временем скрыта.
Осталась твоя любовь,
как небо и друза гранита.

Через весь Ташкент с отцом в такси,
 мы в Алма-Ате с отцом в экспрессе.
 Степью, лесом, улицей неси —
 только бы с хорошей вестью.
 Ташкент — Алма-Ата: автобусным
маршрутом
 по перевалам, по большаку идем.
 Выходим в путь, чтобы пораньше утром
 Дарья, Тугайный лес, в горах подъем.
 И самолет: Алма-Ата — Ташкент
 От белоснежных горных кряжей,
 как сладкий виноград “Паркент”,
 дорога в будущее ляжет.
 Кружась, как белка в колесе,
 Алма-Ата — Ташкент: посадка.
 Стоит земля в своей красе,
 как детство дремотное сладко.
 Ташкент — Алма-Ата теперь
 Граната яркие соцветья:
 В пески открыта настежь дверь,
 В них время — долгие столетья.
 Алма-Ата — Ташкент: грохочут рельсы,
 Плывут сады, хлопковые поля.
 Такая малость — веточка джингиля,
 и снова в детство окунаюсь я.
 Алма-Ата — Ташкент: весна манила
 Не все понять: навьючило пути.
 И в этой мгле отцовская могила,
 мне до нее еще пешком идти.

1985 г. Жетысай—Казань

Здесь Орловы, есть и Куликовы,
люди разных званий и наград.
Были и веселы, и суровы,
словно этот перебор оград.
Есть здесь наша гордая фамилия,
словно вылет журавлиных клиньев,
от труда и правды, от бессилия
гордо, ясно, искренно — Галиев.

13 июня 1986 г.

КАМНЮ НА МОГИЛЕ

Тебя дожди омоют,
Просушат ветры разом,
в тумане тучи скроют
или осыпят градом.
Курдайский встал и камень —
любовь, огонь и пламень
отцовского лица.
Глядишь с тугих прожилок
спокойно и тепло.
Куда это двухжило
нас в жизни так влекло?

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА

Все города в одной большой колоде,
я их меняю на авиабилеты,
задерживаюсь при плохой погоде,
и на ветру стою раздетый.
Мне все равно всего не перебрать
И рядом с облаками не вселиться.
Поэтому и города идут скучать
или меня зовут повеселиться.
А снится мне — сибирское здоровье,
чугун, поставленный в печи на пыл,
и я, как эти кедры на зимовье,
дальше чем тайга не уходил.

* * *

У роци размокший плащ,
листья глухи как камни,
бубнит осенний плач
в забитые наглухо ставни.
Сквозь серую завязь дождя,
Раскисшие темные маски —
Осень сухая донельзя
бросает цветные краски.

* * *

Приглушены свет и тепло,
и солнце едва теплится.
Осень горит назло,
что некуда ей вместиться.
Смотрит в горячие клены,
в зеркале видит себя.
Вечер встает затаенный
в рыжей палитре огня.
Откуда такое буйство,

живое дыханье гор,
река замешена камнем
перед глазами в упор?
Это свеченье красок
от крови до молока,
закатное яблоко красное,
деревьев цветные бока.

* * *

Страна чеканной желтизны —
дубов, берез и гордых кленов,
мы все твоим теплом живы
и красотой твоих поклонов.
За медь сентябрьской листвы,
за маяки стоящих сосен,
за запах скошенной травы,
за всех, за нас —
спасибо, осень!

ст. Аман-Карагай

* * *

Поздней осени сухая нить:
От стекла играющие зайчики,
Комната могла совсем ожить,
Если б за окном не листья — мячики.
От окна у комнаты уют,
От тепла приятная усталость.
Дни как воду в окна солнцем льют,
Чтобы жизнь еще продлить на малость.
Время от времени снег и боль,
Степь сухая снится,
А над рабочим столом моль
В портьерах копошится.
Время от времени мыслям тесно,

Надо остановиться, остыть —
Мне и сейчас еще неизвестно,
что нам мешает жить.

* * *

Всю ночь по крыше дождь стучал,
плясало дробное разводье,
глядел заброшенный причал
лихую скачку половодья.
Но в утро растворилась мгла,
туманом пеленало сосны,
и гладь на озеро легла
как в миг, когда мир только создан.

20 июля 1981 г., Шувалово

* * *

Бросало по миру — в жару и в мороз:
пустые деревни, глухие аулы.
Прошлого жалко теперь до слез.
Видения его вернули.
Могилы Ахматовой, озеро Блока,
лето в тревогах и тучах.
Цыганка гадала — большая дорога,
а жизнь все равно не наскучит.
И эти могилы, и этот зной,
каждый миг и минута,
стоят в глазах передо мной
из прошлого, словно чудо.

* * *

Вверху на паперти леса,
по хвое сосновых крон
звучит музыкальная пьеса,
ветер, как эскадрон.

Протяжные звуки детства
и юности напев,
и мой мотив в наследство
звучит, все одолев.
За лесом лесные дали,
с мелодией дружный хор
живет в своем изначалье,
вслушиваясь в простор.

* * *

По белому небу, как льдины,
косяк голубых облаков.
Спешу на крик журавлиный
под полог созревших лесов.
Легко расстилаются в поле
душистого сена стога.
И волнами лес, как море,
в нем сосны трубят в рога.

* * *

Никого я теперь не тревожу,
не копаюсь в твоей душе.
Положил в голова рогожу,
звуки ветра в тугом камыше.
И смотрю на тебя, как на сказку,
где в расщелине бьется Чилик.
Ветер волосы трогает в ласку,
только ночь как души моей крик.
Ты с кургана глядишься в небо,
на поля, на глухую межу.
Твое имя, как крошка хлеба —
это я в том кургане лежу.

ТОМСК

Здравствуйтесь, я с мороза,
с далекой томской тайги,
где смотрит в глаза береза
после шальной пурги.
Где кедрь скрипят стволами,
где видится лес седым,
за струганными столами
от самогона дым.
Идет лесовоз натружено,
как медведь после спячки,
разговаривают простуженно
горячие сибирячки.
На набережной Ушайки
модницы-девчонки
носят шапки-ушанки
цвета сухой поземки.
Мнут воздух метлами крыльев
сибирские глухари.
Трещит тайга, не осилив
мороз январской зари.
Под вычерченной лиственницей
таймени в таежной заводи
или в чащобе выставятся
рога лосей как заповеди.
Все это грубо и броско,
подстать с человеческой судьбою.
Здравствуйтесь, я из Томска,
пахнущего тайгою.

СИНИЙ УТЕС

Отпугивают мороз
красногрудые снегири.
Поднялся Синий Утес
сосны ему — фонари.
Дятел долбит осину,
высекает порошу —
зима — большая корзина,
только со всем хорошим.
Снежинки на сугробах,
пуховые шали на елях,
зимой для берез обновы
цвета белой метели.
Вижу: зима и сказка —
густых дождей полыханье,
гудок, речная развязка
и парохода сверканье.
Вижу — лето, ягода,
обнаженная грудь земли.
Видится дождик-ябеда —
половодье на Томи.

* * *

Дедовская кузница,
старенькая мельница —
Уверяли, — что забудется
Говорили, — перемелется.
И густых лесов предания,
и поверья в клевер, в лен,
русский север из сияния
елью плотно окружен.
Но однажды встань на взгорье —
рожь, рябина, голоса.
И поймешь — любое горе
С нас готова смыть роса.

г. Яранск

РИГА

С этой узкой улочки
начиналась Рига.
Эта узкая улочка
словно старая книга.
Всюду окна — страницы,
дома — стеллажи,
всюду башни-звонницы
знаки старой межи.
В древнем Домском соборе,
где орган и цветы,
все пришедшие в сборе —
тень другой красоты.
В яркой улочке Риги
люди, свет, суета
и страницами книги
эта жизнь занята.
Только в прошлое улицы
открывается дверь,
это прошлое дыбится
из чужих потерь.
Эта старая Рига
чутко слышит меня.
Эта красная книга
мне сегодня родня.
Жизнь приходит из прошлого,
без чудес, без прикрас,
любой век невозможен
ни минутой без нас.
По обитой брусчатке,
по карнизам домов,
словно дождь барабанит,
призрак прошлых веков.

Но притихшая улица
четко слышит шаги —
загадаешь и сбудется —
сон с хорошей руки.

* * *

Ядреный зимний холодок —
на выкате метели,
со всех краев, со всех дорог
в снегу как в выстланной постели.
И Обь во льду.

Шарфы на елях.
Но пышет Дед Мороз, что повар.
Хрустит поземкой на метелях
парной сибирский говор.

* * *

Эту царственность зовут Алтаем:
в русла рек вливают свежий мед,
эту землю царской называют,
эту землю только ветер мнет.
В дремоте весны ждут ели стоя.
Спят маралы. В норах лисы спят.
Может быть от этого покоя
сильно тени по снегу звучат.
Сыплет искры серебра Ульбинка —
щедрость красок,
снежный санный путь.
Весь Алтай — светящаяся льдинка
входит терпкой ягодою в грудь.

* * *

Где фламинго смотрят свои сны,
а по Невскому легко и людно,

девушки в преддверии весны
смотрят на часы ежеминутно.
Невский помнит Пушкина и Блока,
блокаду Ленинграда и Ахматову.
Кричат фламинго белые до срока,
кричат фламинго, душу радуя.
Залив огней: из женщин и мужчин,
где неумных мыслей вереницы.
И уплывают косяками льдин
подкошенные крылья птицы.

* * *

Спасибо Вам за книги
дареные и купленные.
Они словно вериги
нервами обугленные.
Ваши слова и взгляды,
форзацы и обложки.
Книги как награды —
вкус от хлебной крошки.
Взрослеем год от года —
от радостей и беды.
Спасибо Вам за книги —
глоток ключевой воды.

* * *

Люблю музеи, лица образа,
круговорот картин и настроений
потухшие на плоскости глаза,
таблицы бесполезных наставлений.
В набросках свет,
и лица и глаза
в набросках все,
что высказать нельзя.

В СЕРДЦЕ ГОР

После дотошных сверок документов,
регистраций, росписей и виз,
беру свой чемодан, спускаюсь вниз,
спешу в автобус из нахмуренных подъездов.
Обычный город — тополя и птицы:
из седловины гор встает рассвет.
Проверка, постовой, застава у границы,
немой развод, запрятанный секрет.
Во все концы китайская граница,
солдатами разбитая дорога.
Срывается в ночи пугливо птица
и чувствуется в тишине тревога.

* * *

Барахудзир с откосами песка,
джида, фазаны, горные хребты
И небо необычной высоты,
и полной чашей теплая река.
Здесь все на юге смотрится не так:
простор степей, откосы диких скал,
привычки и обычаи людей,
и лунный диск, что подниматься не устал.
Милый мой малыш, Барахудзир —
поселок, пристань, глубь воспоминаний.
И никем не тронутая тишь,
как неисполнимость всех желаний.

* * *

Может, степь летит навстречу ветру,
Или ветер обгоняет степь.
С детства помню старую примету,
что ветра не устают звенеть.
Ну и конь попал тебе, девчонка,

Травы полегли на разворот:
У коня отброшенная челка,
Вам любой не страшен поворот.
Ты летишь над далью по струне,
Все внизу — ущелье и дороги.
Бьют копыта по сухой стерне
И в горах от эха дробь тревоги.
По тебе седло и этот конь,
Осень, опрокинутая светом,
Этот взгляд, влекущий, как огонь,
Этот день,
 родившийся с рассветом.
Ветру оставляешь только след.
Все стремительно в семнадцать лет.

* * *

Будет река говорить и спорить,
Виденьями ели в глазах стоять:
Нас уже никогда не рассорить,
Ни птиц, ни гор, научившихся кричать.
Вот и ночь, как глухая птица.
Чего она ждет и к чему садится?
Ели сумрачны, горы холодны.
Вслушиваюсь в музыку ночи:
Я молчу и ты помолчи.
Только река, как сердца стук,
И мячиком ночь —
 железный круг.

* * *

На рассвете выйду в теплый сад,
На заре пройду по росе.
Ожерелья снегов висят
На стремительной крутизне:
То ли это туман клубится,

То ли это дождь моросит.
И теперь ночами снится
Как копытами конь стучит,
Как плоды опускают яблони,
И в земле глухо корни шуршат...
Так от лета срывают ставни
И в который раз невпопад.

* * *

Нарву рябины красной гроздь,
Еловых веток принесу —
Пусть будет осень нашей гостьей,
Допустит нас в свою красу,
Где пламень кряжей краснобоких
Что снег шершаво облизал,
У скал красивых и далеких
Вдруг ветер парусом восстал.
Нам все далекой далью мерить —
И горный лес и синеву,
Чтоб навсегда в нее поверить
И не в мечтах, а наяву.

* * *

Уплываю — в который раз!
Ухожу — никогда не встречаться,
Чтобы летом с глазу на глаз
На арене поля кувыркаться.
Скупая макушка лета
Из связки зеленых дорог,
Где выспевшая планета
Терпка как ягодный сок.
Где перезрели травы,
Перестояли луга —
Длинные тени в оправе
И птичьего голоса.

* * *

Открываются Бурганцы
цветом солнечной смородины
и взлетают скворцы
над речною проталиной.
Строим яблоневые пирамиды,
Копны сена, груды камней,
сосны — яркие малахиты
и табунное ржанье коней.
Только взгляд — какая красота,
за Анатольевкой сады и горы,
уходит кверху яблоней гряда,
с хребтами линиями вступая в споры.

ПО СИБИРИ

Речка Иня, ты куда? Откуда?
Застыли гребни — шерсть верблюда.
И ползет поземка по спине,
выщербленной стужами стерне.
И взбегает колка оголенной,
то осиной, то сосной ядреной.
Смотрится, молчит, сказать не может
и меня на много лет молодит.

* * *

Спаси меня, Сибирь, от всех напастей
от недругов, от зла, от всех обид.
От тех, кто цедит лишь для вида “Здрате”,
а камень для меня всегда хранит.
К моим поступкам мерка очень строга,
корыстны сослуживцы и родня.
Спаси, Сибирь, прошу я ради бога,
от женщины, не любящей меня.

* * *

В такую вот безмятежность,
в белой лесной глуши
люди создали нежность
для сердца и для души.
Шагами вымеряют
таежные расстояния,
и еще открывают
солнц голубые сверкания.

* * *

По синей роще на макушках гнезда,
сбегают сосны до речной межи,
но птичий крик остался не опознан
и снегом замело коварство лжи.

Высокий лес, заснеженную крышу
и яр, укутанный в снегу.
Я в них смотрю и вижу, вижу, вижу
и оттого проснуться не могу.

* * *

Когда зажигают вечерний свет —
Имя твое произносят.
Кедры морозные в зиму звучат —
Имя твое слагают.
Люди в городе толпой снуют —
Имя твое отыскивают.
Вся кутерьма машин, метро
горных цветов и сказок
все это сложено в имя твое —
легких сибирских санок.
Если не ладится что-то днем —
Имя твое теряется.
Двое смотрят перед огнем:
именем твоим заклинаются.
По всей земле, во все века
начало из всех начал,
звучат как песня,
как земля
Имя твое, —
Женщина.

* * *

Вдоль Оби зима и ветры,
перекаты, синь, тайга
и покрыты кроной леса
бесконечные снега.
И ползет сученой нитью
Вдоль опушек, мимо рек
намечает по нити
ветром вынесенный снег.

Дальше вся земля из сосен,
дальше — все леса из кедра,
и земля из белых весен,
шум простуженного ветра.
За долиной лес и сумрак,
в горизонт —

лесная ширь.

От пространства обезумлен
и во все концы —

Сибирь.

* * *

За окном круговерть метелицы,
Зябко в доме — прячусь в постель.
Мне еще до сих пор не верится,
что однажды уже был апрель.
Все равно меня знобит от хвори
и зимою я разочарован:
выползают гаденькие твари,
за окном сугроб скрипит как ворон.
Мне заснуть. Напиться жарко чаю.
Выскочить на белое крыльцо.
И смотреть в глаза шальному маю
И июлю подставлять лицо.

* * *

Встретились — не расстаться:
дорога за поворот.
Порой начинает казаться,
что топится зимний лед.
Вместе сидим в оперетте,
вместе сидим в кино.
Смеемся при белом свете,
ждем, когда будет темно.

Ты улыбаешься скупю,
в бокал наливаешь вина.
Может быть, это глупо,
но не наша вина.
Над Томью давно не лето,
и нам далеко не семнадцать.
Зима голубого цвета
весной начинает казаться.
Снег для соучастья,
с мороза сосна разорвется.
Не потому ли счастье
трудным всегда зовется?

* * *

Болью все подернуло, как дымом.
Суета вечернего вокзала.
Помню все, что ты тогда сказала:
в памяти слова запали клином.
И колотит нас мороз-трубач.
Я на этот раз тебе не вру.
Хоть немой стоишь ты на ветру,
а я слышу,
 слышу женский плач.

* * *

Дорога к соснам.
 Дорога в зимний лес.
Снегири снуют,
 долбит дуплянку дятел.
Другой на самую вершину влез.
Кружевами снег сосну украсил.
Дорога к соснам.
 Только мы вдвоем.
Такая тишина.
 Так часто сердце бьется.

Мы разговариваем, смотрим,
дурим, как придется.
И вдруг выходит на свет солнца
глухой заречный окаем.
Не потому ли мы с тобою вместе,
что рядом полыхание зимы.
Скрип сосен.

Санний след.

Но целомудрие для нас превыше чести
и каждому из нас по сорок лет.
Как хорошо глядятся в солнце сосны!
И этот снег и эти птицы кстати.
По-зимнему в открытом настезь взгляде.
Зима в затейливом наряде —
невеста в подвенечном платье.
Дорога в соснах,

ты куда ведешь?

Чтобы опять сомненьями терзаться,
чтобы к тебе воспоминаньем возвращаться.
Но прошлого сегодня не вернешь.
Не потому ли ты от жизни чуда ждешь?!

20 декабря 1976 г.

В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В транзистор вдруг врывается Париж,
включаешься и очарованным стоишь,
и резче линии осенних гор,
и мягче краски, птиц дружнее хор.
Французских песен горечь и веселье,
воспоминанье или сожаленье.
Сжимает сердце боль воображенья
красивого незрячего виденья.

1979 г.

* * *

Снова далеко уже за полночь —
Горный бриз, говор тополей.
Кажется в какой-то миг невмочь
дневное солнце и жара полей.
Все уснуло, только говор листьев,
Млечный Путь висит над головой,
спят в степи лисята в норах лисьих
и в горах теперь уже покой.
Чуть коснется рук осенний ветер
и взворошит мыслей Млечный Путь.
Может потому своей звезды не встретил,
что не знал, в чем купается суть.

1979 г.

* * *

Снова ночь глядит глазами с неба,
Малая Медведица встает.
День осенний, как горбушка хлеба
выпечена утру наперед.
Я подставлю темноте и ветру
резкость скул небритого лица.
Я пойду за ним гулять по свету
и раскроюсь в мыслях до конца.

1979 г.

* * *

На Тянь-Шане полуденный
солнца истлевающий пожар,
налево — низ и высь,
то ли в наказанье, то ли в дар
горы снежным огнем зажглись.
Вода Иссык-Кульевской глади,
могила Пржевальского,
Елей девственная красота.
Пересохла речек жилы.
Иссык-Куля влажная корона.

* * *

Взморье Ниццы, взморье Адриатики,
пляжи океанских островов,
где цветы — гербарии ботаники,
музыка из птичьих голосов.
Так и здесь, в глухом киргизском взморье
ненасытных чаек голоса,
во все стороны вода, приволье,
гор заледенелые глаза.
За хребтом закат не остывает,
как в огне ворочатся кувшины.
Словно пасть вулкана закрывают,
гордо смотрят воды и вершины.

* * *

Диск солнца в полдень неподвижен,
с ним вровень цвет у лопухов.
Утихла степь и только слышен
ленивый крик пастухов.
А в горизонте у земной межи,
на гребне женского загара,
в горячей дали миражи,
вода и лес, и крик пожара.

И видится не карагач сухой,
не пыль за быстрой машиной —
кувшин с холодной водой
и половодье с белой льдиной.

Бозтери

* * *

Что я вижу сквозь закат в горах,
что я слышу в плеске моря?
Улицы в огромных городах,
или лес там, где проходит Воря
И еще — вечерние аулы,
сизые дремы степных костров,
степь, разбуженную в гуле
от работающих тракторов.
Поднимается горная цепь,
словно сгусток чужих страстей.
А мне кажется, это степь
с очертаниями лиц людей.

* * *

Хмельной настой над луговиной,
Уходят в горы сад и след,
И пик,
 продымленные льдины,
И вечность вылившихся лет.
Легко в горах,
 где ветер и трава,
До хруста перезревшие курганы,
Чужих преданий аромат и раны.
Приходят незвучавшие слова.
“Э-ге-ге” —
 кричу я прямо в молодость
 позывные радостей моих.

Мне не ровня никакие скорости,
С жизнью справлюсь даже за двоих.
Из будней до своей любви,
С возмужания до лучшей женщины,
Если радости нам завещаны
И судьбой огорченья даны.
Каждое утро — рассвет — самшит.
Листья навстречу дню.
А следом осень листвою шуршит,
Приглядываясь к октябрю.
Горы развернули выступы скал:
Светом зажглась листва.
Видимо, мир свой смысл искал
Или свои слова.

1972 г.

* * *

Словно бы спустились только с гор.
От заката на восток уходим.
Молодость с годами нам в укор, —
Жизнь прожив, себя мы не находим.
Ядреный яблоневый сад,
Подножье снегом крытых гор,
Где смуглых елей смурный взгляд
Закату выставлен в упор.
Только осень вытоптала сад,
В разноцветье выбелила годы
И стога, как аисты стоят
Подпирая горизонта своды.
Не спешу за ушедшей осенью,
Никого за собой не зову —
Все поляны позасеяны озимью,
Опрокинуты в синеву.

* * *

Научите, как можете, пенью птиц,
Научите любить и влюбляться,
Чтобы возраст себе сменить,
Музыке и стихам смеяться.
За порог к двадцати годам
По реке, за гребнем памяти,
Разбирая годы, как хлам
Молодость нетронутой оставите.
Вспомнится все до последних черт —
Не играйте в жизнь, как в карты.
Память не может дать ответ,
Она только бьет, как куранты.
Приглядеться: прожили так много,
Каждому давно не двадцать лет,
Вычерчена к прошлому дорога,
Фонарями в ней душевный свет.

* * *

Треск пустыни как треск стекла,
хрупко, необратимо.
Плато, выгоревшее до дна
глазам необразимо.
На горизонте близкие берега,
поля высокой ржи.
Земля словно омут, джейранов рога,
вечные миражи.

* * *

Уходит день. Заката дымный час.
Крик чаек. Гор резные силуэты.
На море языками тень.
За горизонтом прячется баркас,
последние лучи, как сигареты.

Все в мягком свете — дальние хребты,
красок акварельное свечение,
тополей зеленые листья
и с ними легкое настроение.

* * *

Где это? Сегодня что со мной?
Вспоминаю словно сновиденье
волн бегущих радостный прибой,
гор горячих белое свечение.
Дождь проносится в веселом гуле,
в озере вода — жемчужин хор.
У Тянь-Шаня сердце в Иссык-Куле,
для Тянь-Шаня ласка в связке гор.
Как им знать кипчакам, киммерийцам,
Шедшим за тянь-шанскою водой.
Не понять их изумленным лицам —
Самолета росчерк голубой.

1979 г.

* * *

А у нас нет дома, нет калитки,
клеверное поле не мое.
Комнаты — аквариум. Улитки
не глядят в осеннее жнивье.
Все в квартире словно в чемодане —
книги, клетки, стулья, стеллажи,
котенку угол на складном диване,
а рядом стол, эстамп, карандаши.
Все года — события в этих стенах —
оркестр, сложенный во мне.
Предметы — кровь, запекающаяся в венах
и только вставка яблони в окне.

1979 г., Бозтери

* * *

Словно библию открываю —
этот закат на взморье.
Словно бы песнь напеваю —
Вглядываясь в Синегорье.
Глубоко в хребтах залегли,
словно проседи, камни восхода,
и на лике земли вросли
звучком гимна и вкусом меда.
Все торжество — не отнять,
вечер светится и играет,
чтобы разум людей пленять,
ну, а следом во тьме сгорает.

* * *

окаем вечернего залива,
высланная гладь воды.
Жизнь уютна и нетороплива,
словно вкус созревшей лебеды.
Блики на воде и крики чаек,
Дальний буй как человек в воде.
Под ногами хруст сгоревших галек,
птицы поохрипшие в труде.
Все еще пожар ушедшего заката
до сих пор над кряжами висит,
от него вода вокруг голубовата,
без него тусклей, но четче вид.
Все там кажется легко и просто,
не бывает оснований для беды.
Жизнь, как тополь выпренного роста —
есть в ней вкус прогорклой лебеды.

* * *

Ну, а если невпопад —
Вдруг черты моих привычек,
словно летом снегопад
или замок без отмычек.
Если звук отживших шуток,
словно сказанное вскользь.
Все в ушах надолго суток.
Звуки — рядом, люди — врозь.
Пусть ничем не обижает
разговор возле огня.
Это память изменяет,
знай — что в мире нет меня.

13 июля 1979 г., Бозтери.

* * *

Вечером утихнет зной,
толпа уплывет в кино,
станет берег совсем пустой,
как распахнутое окно.
Только ветер — соленый курт,
ощущенье морского прибоя,
и огней мерцающий гурт
состояние полного покоя.
В темноте искать силуэты гор,
идти по кромке черепицы —
туда — где безудержный простор,
где кричат полуохрипшие птицы.

* * *

Н. М. Пржевальский

В том ожерелье гор лежит его могила.
Он слился с ними.
В них он.
Они в нем.
Огромной лавой солнце как горнило,
Дорога выложена огненным кольцом.
Он шел по Азии, он шел в горах, в пустынях,
он с птицами делил глоток воды,
и потому на скалах и сапфирах
его оставлены следы.
На берегу лежит его могила.
Бьют волны в лоб.
С окрестных гор ветра
взбираются наверх по горным жилам,
и имя путника возносят до утра.

* * *

Степь выгорела.
На зубах песок.
Холмами тянутся дороги, как подпруги.
День высоко и путь еще далек —
ветров снаряженные струги.
И только птиц случайных голоса,
да караганов желтых перемычка.
У степи рысьи, серые глаза,
у степи голос — с прошлым перекличка.

* * *

Вкус табака познать не в трубке,
не с дымом едких сигарет,
не где-то в океане, в шлюпке,
ни в самокрутках из газет.

Вкус табака не в ресторане,
где слов обманчивых дурман,
а чистый, как вино в стакане,
раскинулся табачный стан.
Мне нравится иной вкус табака,
в бодрящем утре на плато Чилика,
в дыханье гор, спокойно, как река,
идет настой и ласково, и дико.
Настой сиреневых соцветий табака
и терпкость листьев от воды и света,
сараев поразбухшие бока,
настой пьянящий в окончанье лета.

1980 г.

* * *

Не с этого ли все начинается?
Когда плоды созревшие качаются,
и зелень лета всюду нараспашку
и не торопится надеть рубашку.
Трава стоит по пояс зелена.
Давно не май, давно уж не весна —
со всех сторон видна макушка лета,
езде тепло, везде обилье света.
Не в этой ли набравшей зрелость озими
первый признак старости и осени?

* * *

В тумане теплом теплятся деревья,
задолго до рассвета крик скворца.
Мне кажется, что просыпаются коренья
прикрытых роз у нашего крыльца.
Еще движенье — резкий звук шагов,
разбросанное кружево тумана
и полнота весенних голосов,
и звук воды проснувшегося крана.

* * *

У горных троп заманчивая вязь:
кричали птицы и кукушка куковала.
Но почему родилась вдруг боязнь,
что мы не одолеем перевала?
И снова путь по тропам восхождений,
и смотрим вверх, откуда солнце жарит,
подъем в горах, как узел сновидений,
но в жизни нам одно — вершина манит.
Мы этот мир собою удивляем,
нас на вершину провожают ели,
идем вперед, назад не отступаем,
вскипает лето, травы загустели.
Вся наша жизнь, как горный лес,
где свежесть чувств и бесконечно время,
и горных кряжей дикий срез,
и елей брошенное семя.
От высоты хмельная голова,
в ушах звучат знакомые слова:
Уч-Кудук — три колодца,
Ты спаси нас от яркого солнца.
И мы взошли на самый гребень гор,
Отсюда с юности все чище и дороже,
И жизнь открыта как степной простор,
И мы, как эти горы, стали строже.
Мудрее стали. К жизни страха нет.
Любовь к цветам, деревьям и утесам.
Мы щедро обнимали белый свет
И до него себя выносим.

май, 1982 г.

* * *

Высокий тополь над твоим окном,
а дальше поле изумрудной кукурузы,
и неба полукруглый окомом,
и цвет заката, словно кварца друзы.

Межа вдоль поля, вдаль за косогор,
торжественно и празднично темнеет.
И только сумрак мысль будить умеет
и ей давать стремительный простор.
Но все еще кричат перепела.
Вечерний сад, где желтое с зеленым.
И первая роса в траву легла,
и жизнь ушла, как солнце, утомленным.

1983 г.

* * *

Опять на галочьем базаре
среди осеннего тепла
птичий крик стоит в разгаре,
где гнется старая ветла.
У птиц базар — они кочуют.
Но по иному быть могло.
Они кричат, они ликууют,
потомство встало на крыло.

1983 г., окраина Каскелена

ДОРОГА В ГОРЫ

I

Над всей чиликской долиной
из края в край, с конца в конец,
огромной плавающей льдиной
дрейфует ветер-молодец.
Округа солнцем залита
во все концы легко и просто,
земля собою занята,
в ней даже осень — время роста.
Глядишь на ветку тамариска,
она просохла до корней.
Вот жизнь, сплетенная из риска,
где вместо влаги — суховей.
Ты что-то говоришь на ветер,
а может, ищешь суть вещей —
Еще ты многого не встретил
среди событий и людей.

II

Колдовство, конечно, колдовство
в глухом овраге голубое небо,
настой травы и цвета озорство,
и запах мяты, словно привкус хлеба.
И бесконечный гомон у ручья,
и спины валунов, бредущих на бугор,
сквозь все вздымаясь, и
над всем встает громада гор.
Горных кряжей резкая ладонь,
словно беспокойство теребят,
горная цепь, как конь,
пасущий стадо ягнят.

На взгорье выбралась тропа,
столкнулась с далью горных кражей,
долин вечерних верных стражей,
где от простора кружит голова.

III

Только та же дорога
за курган на подъем,
крик проснувшейся птицы —
в сумрак ночи идем,
незаснувшие травы —
гор ночной силуэт,
здесь паром переправы
в память прожитых лет.

IV

Бархан застывший, как фиорд,
его песчинки — льда кристалл
и осень — вся огромный плод,
где раздирает жиром раны.
Верблюды, как белый пароход,
уходит в рыжую долину,
но ветер смял его следы,
перелопачивая льдину.
Во сне с закрытыми глазами
я вижу только этот край,
где тополя стоят рядами
и окаймляют земной рай,
ковшом Чилийская долина
с прохладной прорезью
Бахша, бугор, вблизи картина.

Сегодня тишь — не шелохнет, не вздрогнет,
 ни ветра крик, ни птиц лихой каскад.
 Не от тиши ли даже горло сохнет,
 и все, что в горле, все невпопад.
 Над скошенной люцерной тишина,
 над куполом кургана тоже сонно,
 но от него тепло дневной жары
 расходится упорно и укромно.
 Тополя подвешены рядами
 на просушку к шапке облаков,
 словно пламя, жжет вода в канале
 языками белых ледников.
 Изгибается вода, как жила
 и расчесывает складки гор.
 Всю округу, словно лист, раскрыло
 солнце, вставшее в упор.

* * *

Над этим полем с утренней межи
 срываются в голубизну стрижи.
 В глазах стоит гряда открытых гор
 и привкус лета слышен до сих пор.
 Без усталости шумит водой арык
 и ощущение радости — Чилик.

сентябрь, 1981 г., Чиликский винсовхоз

* * *

Ваши слова, движение рук и глаз,
 Ваши слова, я слышу их сейчас.
 Ваши слова музыкой звучат,
 к Вашим словам коснусь невпопад.

Сколько дорог — обойду шар земной,
Только в ушах — Ваших слов прибой.
Все отцветет, отзвенит, облетит,
но музыка Ваших слов манит.

1981 г.

* * *

Мы бродим с тобой счастливые,
в лунном свете спит Иссык,
смотрят кряжи молчаливые,
тихо плещется арык.
Усеченный росчерк кряжей,
лес и склоны камнепадов,
а вода речная вяжет
валуны в глухих распадах.
Все сверкает в ожерелье
Красотой неотразимой,
все живет как вдохновенье,
и предгорья, и вершины.

6 января 1990 г.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Лиле

Вот она спешит с работы —
синяя весна,
а в рыжей сумке —
хлопоты людей, свои заботы,
спелых почек яркие рисунки.
Небо из расплавленного снега,
голубые мартовские сны,
озорство веселья, смеха —
синие глаза весны.

* * *

Май — весенних листьев взрыв,
небо в роднике воды.
За тополями вниз —
обрыв
как роспись по траве —
следы.
Степная дача — Кушатинка,
а май, и мы чуть-чуть пьяны.
И день, как маленькая льдинка,
остался жить из той весны.

* * *

Боги — люди,
я вам докажу.
Боги пусть опустятся с Олимпа.
Их сердца я пламенем зажгу,
чтобы в венах колотила сила.
Выдам всем богам бушлат, спецовку —
от работы быстро утомятся.
В жизни не найдя иного проку,
вновь на небо боги удалятся.

Значит, как и мы, они живые —
могут вместе плакать, удивляться.
Знаю, боги тоже очень злые —
при уходе могут не прощаться.

* * *

Пелену осеннего тумана
тускло пробивает желтый свет.
Белый клочок волос как для обмана
за пережитое из бездны лет.
У ног стоит осенняя вода.
И даже в полутьме ее прозрачность
янтарна, как прожитые года,
где ласка лета и закатов ясность.

28 октября, Алма-Ата

ОСЕНЬ

Разожги мне сухую осень,
чтобы листья горели золотом.
И при первом же ветре в просинь
Улетали, отлитые оловом.
Чтобы горы от снега — белые,
а грусти ищи — не отыщешь,
чтобы яблоки стали спелые
и люди намного чище.

* * *

Осень называют грустной,
сравнивают с плачущей вдовой.
А мне она не кажется грузной
и не видится сиротой.
Осень представляется сухой,
по жнивью уходят дальше кони,
небо над раскрытой головой —
крыльями бьют голуби в ладони.

* * *

Осень режет звук и краски,
листья, как перепела.
Ни от боли, ни от ласки
столько грусти принесла.
Расстилает рыжий август
мягкий хруст сухой травы.
Только облако, как парус,
необычной ширины.
Увядает зрелость лета,
Осень только у порога.
А пока — обилье света,
в степь
открытая дорога.

* * *

Шуршанье шин такси,
в листве шуршанье желтых желудей.
Осенний день, как яхта среди льдин,
плывет с охапкой солнечных лучей.
Горстями свет в саду разбросан.
Тепло уложено в стога,
намного чище утром росы
и журавлиный крик в рога.

* * *

В августе начало листопада,
Перебор из листьев, как из струн.
Август, словно всполохи заката
медленно, горящих на ветру.
Но еще не время увяданью:
буйствует переполох цветов
и выходит солнце на свиданье
в царственную заповедь лесов.
В эту осень радостно и броско —
высвечена наша жизнь до дна.
Память, словно полное лукошко,
навсегда остаться здесь должна.

* * *

Город, охраняемый горами,
в изголовье снежные вершины.
Через город, освещенный тополями
на прострел идут автомашины.
А у ежевики цвет вина.
И у тополей, как ожерелье,
нависает сверху желтизна,
тянет с поля легкое похмелье.

Кони за ручьем уходят в просинь,
можно садом хоть куда идти.
Потому и окунаемся мы в осень,
чтобы в ней самих себя найти.

* * *

С поезда сойду. Он пусть уйдет.
За закатом пойду по плато.
И покажется мне наперед,
что я видел это когда-то:
эти камни в брызгах огня,
карагач вперемешку с небом,
и в полнеба горит для меня
бабье лето булкой хлеба.
Камни, травы — все буйство красок
разложилось на стол степи.
Мир природы без позы и масок
благородством меня осени.

* * *

В хмельном тумане,
где дома, деревья,
крутое время, старые стволы,
среди садов и музыки поверья
земля и люди обворожены.
Не гаснет свет,
не умолкают птицы,
не отступает звук литых плодов.
Листва от солнца золотом искрится,
Покрытая косынкою снегов.
Здесь время меряют стуком спелых яблок,
а в воздухе от трав и гор настой.
И ожерелье гордых, горных шапок
всегда приносит праздничный настрой.

* * *

Первый лист ложится на воде:
старая примета — скоро осень.
Но не вызрела листва в Алма-Ате.
Густо зелена, чтобы смотреться в просинь.
А перед тем, как всем садам опасть,
листва горит неистовым свеченьем.
Да так, что даже в руки страшно взять,
почувствовать ее прикосновение.

* * *

Страна чарующей печали,
где красок грусть и чувств разлив,
где в каждой мысли глубь и дали
приходят, время возвратив.
Где нараспашку жизнь и вещи,
Где все так просто донельзя,
где людям мир, как дар завещан
и этот мир зовет дразня.

* * *

В черной ночи желтый свет,
ветер холодный жжется.
Прошлое промчится — как велосипед,
прокрутится — не вернется.
Чьи-то слова и чей-то взгляд,
осенняя ночь в горах.
Гимны вершины трубят
на самых высоких хорах.
Мысли мохнаты, как полог леса.
Вершины обвенчаны лунным кольцом.
Жизнь по скорости спорит с экспрессом,
если ветру подставить лицо.

Синим вечером синий свет —
непонятная кровь по жилам.
Прошлое, как велосипед,
прокрутилось и остыло.
С легкой грустью настрой души
Память все, что могла вместила,
но встают приведенья в тиши —
значит прошлое вновь ожило.
У медведицы белый глаз,
на себе осязаешь взгляд,
значит прошлое входит в нас,
возвращается много раз.

* * *

Вечер прячет в войлоке пожитки,
словно западает память дня.
Только все просчеты и ошибки
снова на ладони у меня.
Не сотрут их ни вода, ни ночь,
ни веселье, грусть или отвага
и никто не может мне помочь
уберечь от сделанного шага.
Оседают в памяти на дно
каждое неверное движенье.
А потом тревожит все равно
совестью мое воображенье.

* * *

Все не так, Унсунь,
совсем не так,
я не стар и ты меня не старше.
Выбитый копытами большак
длинною рукой в дорогу машет.
Горячо люби — не знай обиды.
Глаз не прячь — смотри всегда в лицо.
Если не увидишь — совесть видит
сколько рядом с нами подлецов.

* * *

У тюрков есть седой обычай —
любым гостям свой кров
раскрыть,
послать кошму,
поставить чай,
постели на ночь застелить.
Нам не хватает очень часто
к самим себе, к своим
друзьям —
по-тюркски радостно
и властно
открыть сердца,
пройти к дверям...

* * *

А на Шептыколе ни души:
небо бороздят немые беркуты,
да полуглухие камыши
сонную молитву шепчут в
омуты.

Все свободно —
небо и земля.

Ни души —
оторванная вечность.

Ты меня коснулась зря,
если тебе чужда человечность.

* * *

Кумыс дает ядреный хмель,
как от вина грустят и плачут:
когда садится жизнь

на мель,
то целый мир ничто не
значит.

Но ни кумыс и ни вино
не помогают нам давно.

* * *

Мне в ауле всегда приятно:
мерный говор, крики и лай.
Говорю по-казахски внятно,
и со вкусом хлебаю чай.
Не блуждаю в овечьих тропах,
не храню про запас серег,
на зимовке живу без вздохов,
вдалеке от больших дорог.

* * *

Маленькая станция Дарья —
низкие дома, приплюснутые горы
пустота, как выстрелом с ружья,
оглушила бурые просторы.

Снегу мало. Холмы оголены,
перемерзли реки и пруды.
В белой шапке Кара-Мурун
маленький поселок, что гнездовье,
только поезда жестокий гул,
в камышах застывшее низовье.
Столько переездов и дорог —
под ноги скрипучий ветер,
следы изношенных сапог
грудой камня кто-то путь отметил.
За бугор уходит к небу даль,
из-за горизонта глаза поднимает
и сбрасывает белую шаль,
аукает — не понимает.
На шире степей Каллагир,
застывший с июля пляж,
замерзнет до дрожи мир
и всех мечтаний мираж.
И все-таки только вперед,
за перегоны шпал,
степь и мазута влечет
тех, кто его познал.

* * *

За Чу лежит Сары-Арка —
сухое раздолье снов,
где тянется ветра рука
и слышится крик орлов.
За степью — новая степь,
за далью — новая даль.
В июльской жаре гореть,
январской пургой заметать.
Зимовки совхозных овец,
шуршанье сухой травы,
и только ветер-говец
с вестью из старины.

* * *

У Босага июльская страда —
поезда идут на всем скаку.
Каменные бабы-города
бродят на не скошенном лугу.
У коней спокойствие и сила.
Просушилась за лето зимовка.
Выжженные горы, как перила,
где у каждой юрты остановка.

1970 г.

* * *

Это станция Агадырь.
Силуэты коней — синегорье.
Для ветров бесконечная ширь,
табунам и отарам — воля.
За разъездом идет разъезд,
полустанки теряются в гуле,
собираются из дальних мест
старики чаевать в ауле.
Полустанок Грязный нос,
по-казахски Кара-Мурун.
На реке ночью звездный плес,
а весной глухой бурун.
Травянистая заводь степей,
бесконечные ленты дорог,
это юностью нашей по ней
полыхает пламя тревог.

1970 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НОТА ЗВУКА

Лес перезревший стоит, как дед,	5
Родина! Голубая, синяя.....	5
Как жизнь, большая книга.....	5
Не надо горя.....	6
Не спешите, не судите.....	6
Сумею бросить недругу в глаза.....	6

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Просыпаюсь ночью — Москва	7
В морозном утре Пушкинская площадь.....	7
Снова встреча — Тверской бульвар	8
На Пушкина немного все похоже	9
После всего вернусь в Москву	9
Всегда живу с запасом прочности	10
Будут сниться Москва, метро	10
Несносно жить, но упрощать нельзя	11
Двояродный дядя, троюродная сноха	11
В Москве все зримей	12
Просто войду и выйду	12
Город чужой	12
На асфальтовом днище улицы.....	13
Ваганьковское кладбище в Москве	13
О тебе напомнит мне Москва	14

МЕДЕО

Тропы легкие и трудные.	14
За оврагом белые сады	15

ГОРЕЛЬНИК

Как не хотеть	16
Леса и горы	17
Ночь будет спокойной и пленительной	18
Большое спасибо тебе, маленькая Чарынь	19
Проезжаем Маловодное	20
Крутой обрыв взлетевших тополей	20
Желтым яблоком полный диск	20
Приходишь ты — чуть брызжащий рассвет.....	21
В роце голо и пусто	21
Видишь — какая ночь.....	21
Знаю, с тобой не встретиться.....	22
Дни летят, словно страницы писем.	22

Безмолвный утренний подъем	23
Щебет ласточек и крик грачей	24
Так и полощет лето надо мной.....	24
Так надо, чтобы женщина пришла.....	24
Мой сад окутан дымкой грусти	25
Это как дом — опустевший сад	25
Сквозь толщину быта и толщину лет	25

РУСЬ

Руси пока не знает мир	26
Это зима скрипит.	26
Пугача везут в железной клетке	27
Соляной бунт.....	27

СТИХИ О ЖЕНЩИНЕ

Перебираем факты, лица,.....	29
Упаду в глаза твои, как в море	29
Для меня ты только в голубом.....	29
И не измерено судьбой?.....	30
Мой талисман — неброшенная женщина	30
Эта женщина вдруг придет	30
Я в комнате, заполненной тобой	35
Все, что было	31
Какой-нибудь усталый самолет	31
Все начинается с тревоги.....	32
Ты девочка, ты женщина.	32
Это все оставлено тобою	32
Труда не бойся — все равно трудиться.	33
Теперь мне не хватает лишь звонка.....	33
По улице твоей метет пороша.....	34
Так все странно — молодость за тридцать	34
В японском джазе трубачи трубят	34
Были разные женщины	35
Я в комнате, заполненной тобой	35
Или я старею год от года,.....	36
Разве не твоим теплом согретые	36
Закрою глаза — и четко вижу	37
Перечитанная книга.....	37
Сквозь этот быт, снег и шум.....	37
Срывает ветер гроздь листьев	38
Взмывает в этот вечер самолет	38

КАРАГАНДА

Словно самолет в Караганду	39
Вечер обложил Караганду	39
Все это твое — Караганда	39
Вечерний дизель. Свет полуземлянок.....	40
Причастен Блоку и Есенину,.....	40
Где фламинго смотрят свои сны.....	40
Тополя, как лебеди, плывут.....	41
Синим вечером синий свет	41
Привкус угля, шахты, терриконы	42
Меня хирург с лоскутьев сшил	43
Лязг железа, вкус угля и пыли.....	43
В вечерней россыпи огней	43
Пасти окон в улицу огнями	44
Я уже не твой — Караганда	45

БОРОВОЕ

На небе серых туч разводья	46
Уходит день. Сгорают кромка неба.	48
Я в Боровом — устал от всех трудов.....	49
Пойми одно — в круговороте дней	49
Случайностью вещей или словом.....	50
Сначала рев, высокий звук хлыста	
Опавшей хвоей припорошена лыжня	50
Горелого Мыса горбинка	51
Снова ночь, но распахнуты шторы.....	51
Я встречу Вас. Все вспомнится, всплывет	52

ТАШКЕНТ

Так далеко до памяти моей	53
Взлетает Луначарское шоссе.....	53
Сахаром налился виноград	54
Толпятся. Разговаривают. Спорят.	54
В Ташкенте утро. Свежие газеты.	55
Но Угаму очень далеко.....	55
Жара в Ташкенте	55
До ноября джингиль цветет	56
У тебя на столе телефон.....	56
Еще до зимы далеко	56

СОВРЕМЕННОКИ

Гадают бедные гадалки	58
Постучимся, никто не встретит	58
Для меня ты близкий и далекий	59

Мы все взлетели с одного гнезда	60
Пригласи меня в Бурятию	60
Март сырой, туманный, ветреный	61
На перекрестке, где шум и гомон.....	62
Тишина. Немеешь сам с собой.....	63
Не потому ли все мы переносим.....	63
За битого двух небитых	63
Кричите — сколько можете — кричите!.....	64
Он сжал приклад — через окоп взметнул	66
Теперь сердечная атака	67
СТИХИ ОБ ОТЦЕ	69
В далеком детстве полудикий пруд	69
У отца давно уже седины.....	69
СЕМИОВРАЖЬЕ	
Который раз сюда спешу наездом	70
Бьет из земли трава	70
Надпись на могильном камне.....	71
По роще, на чужой троне.....	71
Встань пораньше. Лучше на рассвете	71
Выпросить детство, назад вернуть	71
Аул Байтыша — маленький аул	72
Так умрет, не проронив ни слова	72
Отец скучает. Ждет моего приезда.....	73
Отец чужак был — не водил запаса	73
Моим дедам везло на деньги.	73
Опять Алма-Ата — Ташкент	74
В городе, который ты любил	75
Именем твоим, именем твоим	75
Срубили тополь. Дом давно продали	75
Курдайский красный гранит	76
Через весь Ташкент с отцом в такси	77
Здесь Орловы, есть и Куликовы	78
Камню на могиле	78
ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА	
Все города в одной большой колоде	79
У рощи размокший плащ	79
Приглушены свет и тепло.....	79
Страна чеканной желтизны	80
Поздней осени сухая нить	80
Всю ночь по крыше дождь стучал	81
Бросало по миру — в жару и в мороз	81

Вверху на паперти леса	81
По белому небу, как льдины	82
Никого я теперь не тревожу,	82
ТОМСК	
Здравствуйте, я с мороза	83
СИНИЙ УТЕС	
Отпугивают мороз красногрудые снегири	83
Дедовская кузница	84
РИГА	
С этой узкой улочки	85
Ядреный зимний холодок	86
Эту царственность зовут Алтаем	86
Где фламинго смотрят свои сны	86
Спасибо Вам за книги	87
Люблю музеи, лица образа	87
В СЕРДЦЕ ГОР	
После дотошных сверок документов	88
Барахудзир с откосами песка	88
Может, степь летит навстречу ветру	88
Будет река говорить и спорить	89
На рассвете выйду в теплый сад	89
Нарву рябины красной гроздь	90
Уплываю — в который раз!	90
Открываются Бурганцы	91
ПО СИБИРИ	
Речка Иня, ты куда? Откуда?	92
Спаси меня, Сибирь, от всех напастей	92
В такую вот безмятежность	92
По синей роще на макушках гнезда	92
Когда зажигают вечерний свет	93
Вдоль Оби зима и ветры	93
За окном круговерть метелицы	94
Встретились — не расстаться	95
Болью все подернуло, как дымом	95
Дорога к соснам.	96
В СРЕДНЕЙ АЗИИ	
В транзистор вдруг врывается Париж	97
Снова ночь глядит глазами с неба	97
На Тянь-Шане полуденный	98
Взморье Ниццы, взморье Адриатики	98

Диск солнца в полдень неподвижен	98
Что я вижу сквозь закат в горах	99
Хмельной настой над луговиной	99
Словно бы спустились только с гор	100
Научите, как можете, пенью птиц	101
Треск пустыни как треск стекла,	101
Уходит день. Заката дымный час.....	101
Где это? Сегодня что со мной?	102
А у нас нет дома, нет калитки	102
Словно библию открываю	103
окаем вечернего залива	103
Ну, а если невпопад	104
Вечером утихнет зной.....	105
В том ожерелье гор лежит его могила.....	105
Степь выгорела.....	106
Вкус табака познать не в трубке	106
Не с этого ли все начинается?.....	106
В тумане теплом теплятся деревья.....	107
У горных троп заманчивая вязь	107
Высокий тополь над твоим окном,	108
Опять на галочьем базаре	108

ДОРОГА В ГОРЫ

Над всей чиликской долиной	109
Над этим полем с утренней межи	111
Ваши слова, движенье рук и глаз	111
Мы бродим с тобой счастливые	112

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Вот она спешит с работы	113
Май — весенних листьев взрыв	113
Боги — люди	113
Пелену осеннего тумана	114

ОСЕНЬ

Разожги мне сухую осень	115
Осень называют грустной	115
Осень режет звук и краски	115
Шуршанье шин такси.....	116
В августе начало листопада	116
Город, охраняемый горами.....	116
С поезда сойду. Он пусть уйдет	117
В хмельном тумане.....	117
Первый лист ложится на воде	117

Страна чарующей печали	118
В черной ночи желтый свет	118
Синим вечером синий свет	118

САРЫ-АРКА

Степь, вздымаясь и гикая	120
По-казахски говори со мной	120
Вечер прячет в войлоке пожитки	121
Все не так, Унсунь	121
У тюрков есть седой обычай	121
А на Шептыколе ни души	122
Кумыс дает ядерный хмель	122
Мне в ауле всегда приятно	122
Маленькая станция Дарья	122
За Чу лежит Сары-Арка	123
У Босага июльская страда	124
Это станция Агадырь	124

Литературно-художественное издание

Галиев Виль Зайнуллович

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА

Стихи

Редактор *С. Родионова*

Худож. редактор *Ж. Болатов*

Техн. редактор *И. Тарапунец*

Компьютерная верстка *Ж. Бекбосыновой*

Государственная лицензия № 0000001 выдана издательству Министерством образования и науки Республики Казахстан 7 июля 2003 года

ИБ № 3429

Подписано в печать 17.04.13. Формат 75x90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура “Мектептік”. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 5,16. Усл. кр. 5,47. Учетно-изд. л. 5,94.

Тираж 500. Заказ № 1

Издательство “Мектеп”, 050009, г. Алматы, пр. Абая, 143

Факс: 8(727) 394-37-58, 394-42-30.

Тел.: 8(727) 394-41-76, 394-42-34.

E-mail: mektep@mail.ru Web-site: www.mektep.kz